

УВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН
коммерсант

ДЕТЕКТИВ

Владимир Власов

МЕДВЕДЬ

Владимир Власов

Медведь

«ХАРВЕСТ»

2015

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

Власов В. Н.

Медведь / В. Н. Власов — «ХАРВЕСТ», 2015

ISBN 978-985-18-3625-9

Всю войну он занимался тем, что убивал. Такова была специфика его службы. Работа. Дело. Его научили убивать. Учителями были опытные люди. Квалифицированные. Об их профессионализме свидетельствовало то, что они выжили в этой мясорубке. А теперь учили выживать Малахова. И он учился. Он оказался очень способным учеником...

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

ISBN 978-985-18-3625-9

© Власов В. Н., 2015
© ХАРВЕСТ, 2015

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	15
Глава четвертая	21
Глава пятая	29
Глава шестая	34
Глава седьмая	40
Глава восьмая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Владимир Власов

Медведь

Глава первая

Должно быть раненный, не помня себя от боли, он приполз в эту расщелину. Странно, что он смог сюда дотащиться, а теперь не может и пошевелиться.

Жарко. Белый диск солнца, пересеченный черными ветвями кустарника... Перед глазами плыли цветные пятна, раскаленный воздух дрожал. Малахов открыл глаза. Все те же кусты, те же камни и это мертвое, окровавленное тело.

Трупный запах. Лицо раздулось. Смуглая кожа побледнела и лопнула на скулах. Шея, затянутая воротничком, вздулась пузырями. Там копошились черви. И зловоние. Ветер гонит зараженный запах прямо на Малахова. Второй день Михаил лежал в этой расщелине рядом с трупом, не имея возможности ни выбраться наружу, ни избавиться от взгляда мертвых глаз. Второй день... Целая вечность.

Духи появились как-то неожиданно – только что их не было и вдруг вот они, над самой головой, грозные силуэты, черные на фоне расцветающего неба.

А Серега Корявый уже палил из своего автомата вверх, и каменные брызги дождем сыпались на голову Малахова.

– Уходим, – орал Корявый, посылая очередь за очередью. – Шевели лапами! Копаешься, как баба! Сейчас нас сверху накроют, и пиши пропало...

Малахов помнил, как они бежали по каменной тропе, как перескакивали через валуны и трещины, а вокруг свистели пули, и земля под ногами взрывалась маленькими столбиками каменной пыли.

– Укрытие надо, – задыхаясь, прохрипел Корявый. – Не оторвемся мы. Если не заляжем или не переложим всех – ни за что не оторвемся... Это их горы...

– Это ясно, – кивнул на бегу Малахов. – Не понятно только, почему мы еще живы... Были, как на ладони. Видно, они с нами не прочь познакомиться поближе. Хотят, небось, узнать, кто это им всю казарму перерезал.

– Живыми хотят нас взять. Охотники, мать вашу... – Корявый остановился и послал длинную очередь в сторону гортанных выкриков. – Думают, куда нам деться – наши-то еще вон где, далеко.

Они вновь побежали вниз, укрываясь между камнями. А камни вокруг них стонали от выстрелов. Духи были близко. Они шли по пятам и, судя по окрикам, их было много.

Они знали свои горы и были хорошими стрелками. Только вчера один из их снайперов засел в невысоких зарослях на склонах горы. Он спокойно уложил пятерых парней из минеров, а потом ушел, сволочь, только его и видели. Так его и не достали, хотя прочесали весь склон из орудий.

А Серега Корявый вдруг вскрикнул и выронил автомат. Малахов оглянулся. Корявый медленно оседал на землю, а изо рта у него текла струя крови. Глаза огромные, удивленные. Потом Серега рухнул на землю плашмя, вдруг, как подрубленное дерево. А вокруг опять запели пули...

И тут из-за склона выплыл наш вертолет. Он стремительно приближался, бесстрастно мерцая огромными глазами-стеклами, а под крыльями у него ощетились головки ракет. Вот два стремительных силуэта – ракеты типа «Земля-Воздух» – отделились от крыльев, с воем промчались над головой Малахова и грохнули сверху.

Град камней едва его не засыпал. Каким-то чудом Малахов сумел уклониться от падающих валунов. Вертолет с рассерженным ревом пронесся над пыльным облаком и развернулся для нового круга.

Пилот, видно решил сменить тактику. Вертолет снизился и открыл пулеметный огонь. Трассирующие очереди расчерчивали воздух во всех направлениях. Духи залегли. Вертолет приблизился и кружил над ними, как черный стервятник, ждущий, когда жертва, наконец, сдастся, потеряет всякую способность к сопротивлению, и тогда ее можно будет взять просто, без усилий.

Вертолет не переставал стрелять. Вот еще две ракеты пронеслись над головой. Еще две... И пошло-поехало... Ракеты начали рваться одна за одной, пулеметы захлебывались очередями... А спрятаться негде. Вполне возможно, что один из взрывов придется прямо на Малахова. Проклятье! Принять смерть от своих же!.. Хотелось вскочить, закричать, побежать куда-то...

Страх... Это было его первое боевое задание, и, наверное, поэтому его охватил страх. Он чувствовал себя беспомощным, открытым, уязвимым со всех сторон. Ему казалось, что сейчас, в эту секунду, он находится в оптическом прицеле какого-нибудь стрелка, и чей-то палец уже лежит на спусковом курке винтовки.

И когда ужас охватил его целиком, Малахов рванулся с места и побежал, не разбирая дороги, сквозь пыльную завесу, падающие камни, осколки ракет и пули – прочь, подальше от этого ада.

Он уже достиг густых зарослей, когда увидел одного из охотников. Тот стоял и стрелял из карабина по вертолету. Малахов вскинул автомат.

Парень заметил его. На щеке шрам. Черные глаза. Столько в них было невероятной тоски, столько боли. В них билась жизнь, горячая, яростная, молящая о спасении и страдающая от невозможности уйти от смерти. И парень выстрелил, не целясь, с бедра. Ногу обожгло огнем.

В этот короткий миг Малахов ни о чем не думал, ничего не решал. Все решения взял на себя «Калашников». Он, словно живой, подпрыгнул в его руках, из дула яростно брызнуло короткое пламя. Выстрел за выстрелом – Малахов никак не мог остановиться, – пока пули не распороли противника надвое, не разворотили полностью живот и грудь...

Еще одна смерть в темной череде смертей там, позади, в казарме.

Их было трое: Малахов, Серега Корявый и Лешка-Кобах. Они спустились к бараку ночью, когда на небе во всю ярились звезды, огромные, яркие, совсем не такие, как дома, в Питере.

Барак был переполнен. Духи спали. Так их и резали – спящих. Они с Серегой Корявым тихо крались между неподвижных тел. Иногда кто-то бормотал во сне на чужом, непонятном языке. И тогда приходилось прижиматься к полу и ждать. А потом снова ползти – хитро и осторожно.

А Лешка-Кобах занимался часовыми. Он снимал их голыми руками, чтобы наверняка, без крика. Стоило хоть одному крикнуть – и поднимется переполох в соседних бараках. И тогда всем троим конец.

Но никто из часовых не крикнул. Не успел. И поэтому спящих можно было резать спокойно, не опасаясь, что кто-нибудь помешает.

Через полчаса все было кончено. Никто даже и проснуться не успел, никто и не почувствовал, что его убивают. Кто-то сладко похрапывал, кто-то бормотал во сне, и никто не слышал, как хрустят шейные позвонки, и клокочет в перерезанном горле кровь соседа.

Стало очень тихо. Еще недавно барак был наполнен шумным дыханием, шорохами, храпом, а теперь наступила тишина. Только поскрипывали сапоги у Корявого, и где-то за окном протяжно выла собака.

А вертолет продолжал поливать скалы свинцом и огнем. Пули щелкали о камни, осыпая Малахова сбитыми ветками и мелкими, острыми, как бритва, осколками. Ответная стрельба духов затихала. И вдруг с вершины склона к вертолету рванулась ракета... Ударила.

Кабина вертолета озарилась светом, вздулась багровым облаком. Воздух прошили горящие обломки. Но вертолет еще некоторое время летел, перекачиваясь с боку на бок, а потом накренился и тяжело уткнулся в каменную осыпь.

Весь фюзеляж его сплющило в лепешку, и только хвостовая часть осталась целой. Некоторое время она качалась над бушующим пламенем – стабилизирующий винт продолжал по инерции вращаться, а потом с грохотом рухнула.

Воздух задрожал от нестерпимого жара. Все смешалось в один спекшийся огненный ком: обломки вертолета, остатки боеприпасов, искореженный винт и горящие останки пилотов. И вдруг что-то ударило Малахова по голове, и в ту же секунду мир исчез: смолкли все выстрелы и крики. Наступила полная тишина и мрак.

А потом темнота рассеялась и звуки вернулись.

Всю войну он занимался тем, что убивал. Такова была специфика его службы. Работа. Дело. Его научили убивать. Учителями были опытные люди, квалифицированные. Об их профессионализме свидетельствовало то, что они выжили в этой мясорубке. А теперь учили выживать Малахова. И он учился. Он оказался очень способным учеником.

Убийство было его талантом, призванием. Единственным призванием. Смерть не касалась его. Часто она заглядывала в глаза, улыбалась. Она всегда шла рядом, как тень. Иногда отставала, иногда забегала вперед. Она играла с ним в прятки, она забавлялась со своей подружкой Жизнью, потому что они всегда идут рядом, рука об руку – жизнь и смерть. И порой Малахову казалось, что все, что нужно знать о жизни – это смерть.

Смерть. Перед глазами стояла одна жуткая, отчетливая картина: прищуренный глаз, настороженно и внимательно следящий сквозь линзы оптического прицела и огромное, как звездное небо, дуло винтовки. А оттуда, как поезд по туннелю, в пламени выстрела неотвратимо движется смерть.

...Жарко. Ночью в горах холодно, а днем невыносимая жара. И этот труп напротив... Молодой парень, ровесник, наверное. Труп внезапно пошевелился, осел. Видно, разложение размягчило ткани. Малахов почувствовал, как по спине у него стекает холодный пот...

А может, смерть – это совсем и не дуло винтовки? Может, она находится не где-то там, не вонне, не рядом? Может, она находится внутри каждого – раскинула свои плети сквозь каждый орган, каждую клетку и ждет своего часа. А потом выползает наружу и скалит зубы в усмешке...

...На третий день, в полдень, послышались голоса. Малахов лежал неподвижно и слепо смотрел на изорванный в клочья, распухший до неузнаваемости труп парня, которого он убил.

Михаил узнал русскую речь. Скрипя зубами от боли, он поднялся над краем расщелины и позвал на помощь.

Проклятый сон.

Малахов открыл глаза и вытер со лба испарину.

Сколько времени прошло, а этот сон все возвращается. Крадется, как лесной зверь, день за днем, месяцы, мягко перебирает лапами, а потом падает сверху и запускает в сердце свои острые когти.

Михаил лежал на кровати, прислушиваясь к дыханию Ирины. Конец лета, а за окном опять дождь: капли барабанили по подоконнику монотонно, с размеренностью метронома. Малахов вздохнул. Под дождь хорошо засыпать, но просыпаться под дождь – совсем другое дело...

За окном было еще темно. Рассвет не мог разорвать плотную пелену серых туч. Стрелки на часах показывали половину пятого. Воскресенье и дождь. Жалко. Он обещал Ане поездку в парк на аттракционы. Скорее всего, мероприятие придется отложить.

Сверху, из детской, послышался грохот. Ага, стало быть, юная амазонка уже проснулась. Ну, теперь начнется... Малахов закутался в одеяло и невольно улыбнулся, прислушиваясь к топоту детских ножек.

События не заставили себя долго ждать. Наверху, словно артиллерийский выстрел, хлопнула дверь, а потом раздалась барабанная дробь. Это Аня съезжала вниз по лестнице в пластиковой ванночке. Глухой удар о стену и рассудительное замечание: «Опять перелет!..»

Ирина заворочалась в постели и постаралась уткнуться поглубже в подушку.

– Который час? – спросила она.

– Половина пятого.

– О, боже!..

Малахов покачал головой. Нет, дорогая... Конечно, понятно, что утренний сон самый сладкий, но с пробуждением Ани все сны, даже самые сладкие, в ужасе разбегаются. Тебе ли этого не знать.

– Это не ребенок, – сонно пробормотала Ирина. – Это вождь краснокожих...

Топот табуна мустангов по коридору и тишина. Потом осторожный стук, и дверь распахивается настежь. В дверном проеме появляется фигура Ани: пуговицы на платьице вторых застегнуты через одну, волосы перехвачены красной резинкой на самом затылке, а у уха запуталось маленькое белое перышко из подушки, отчего кажется, будто Аня вышла на тропу войны.

Глаза смотрят внимательно и строго. Торжественный осмотр продолжается около минуты, а потом Аня захлопывает ногой дверь, бесцеремонно заходит в комнату и садится на край постели.

– Я так и знала, что ты уже не спишь. Я тоже, вот, проснулась.

– Да. Я заметил.

Малахов приподнял подушку и уселся, облокотившись на спинку кровати. Все. Поспать больше не удастся. Нужно вставать. Какой бы пасмурной ни была погода, но день начался, и, судя по решительному настроению Ани, похода в парк не избежать.

– Дождь, – рассеянно говорит девочка. – Все такое серое, грустное... Когда я выйду замуж и состарюсь, как вы, то умру таким же вот утром... Я вчера и стихотворение про это написала.

– Если ты выйдешь замуж и будешь просыпаться в такую рань, то муж не даст тебе дожить до старости, – улыбаясь, заметил Михаил. – Не у всех, знаешь, такие железные нервы, как у мамы и у меня.

Аня пожалала плечами. Поэтическая меланхолия уже оставила ее русую головку. Девочка подошла к окну и задумчиво посмотрела на небо.

– Думаю, дождь скоро закончится. Небо вон там, над лесом, светлеет. Точно закончится. После завтрака, – Аня подошла к Малахову, присела рядом, положила свою ладошку ему на руку. – И мы вместе с мамой оправимся в парк. Кто обещал?

– А как же дождь?

– Над качелями есть зонтики. И над колесом обозрения, наверное, тоже. Помнишь, ты говорил, что там поставили новое колесо. Огромное. И если подняться на самый верх, то окажешься выше облаков. Кто говорил? А выше облаков нет дождя. Только солнце.

Аня торжествующе улыбнулась. Ее логические построения казались безукоризненными.

– Сдаюсь. – Михаил поднял обе руки над головой. – А теперь беги мыться, а я постараюсь разбудить маму. Учти, что при этом я рискую своей жизнью...

– Я тебя почию, если что... – сказала Аня и выскочила за дверь. Через минуту в ванной послышался шум льющейся воды и рокочущая мелодия – Аня предпочитала мыться под аккомпанемент магнитофона.

А потом раздался грохот – Аня подпевала Филиппу Киркорову, самозабвенно отбивая ритм зубными щетками по медному тазу.

Глава вторая

– Вот сучка!..

Кожа Маргариты имеет более светлый оттенок... А волосы темнее. Одну руку она положила Любаше под голову, другая покоится на лобке. Маргарита что-то шепчет, теплое, ласковое, как плеск волны на южном берегу. Она более опытна и не такая нервная, как ее подруга.

Лозовский сделал еще один глоток из бокала с мерцающим рубиновым соком. Бокал был массивный, старинный, из толстого венецианского стекла и на гнутых его боках было выгравировано изображение дракона, кусающего себя за хвост.

Стенки бокала запотели от влажного прикосновения ладоней. Лозовский чувствовал, как накачивает на него наслаждение, как просыпаются смутные желания, придающие жизни смысл и вкус.

Рука Маргариты скользит по телу Любаши, тянется к упругой, еще девичьей груди, поглаживает ее, нежно массирует. И светло-коричневые соски начинают наливать крепостью. Это зрелище несказанно завораживает, словно магнитом притягивает взгляд Лозовского.

Хорошо, что Марго владеет техникой любви. У нее достаточно опыта. Она будет вести Любашу медленно, очень медленно. И чем дольше все это продлится, тем приятнее будет и им, и мне. Лишь бы она не торопилась. Порой эмоции захлестывают ее.

У Маргариты был несомненный талант. В умении предаваться любовным утехам она не имела себе равных. Когда она была в ударе, то придавала любовным отношениям тысячи разнообразных форм. Ни в одном порнофильме не найти большего разнообразия. Вот только иногда спешила.

Молодость, молодость... Кто спешит, тот может пить и молодое вино. Он не знает вкуса старого вина, разлитого несколько десятилетий назад. Он, как молодая трава под палящим солнцем. Только вековое дерево может защитить от жарких лучей... Лозовский сделал еще один глоток из бокала и поудобнее устроился в кресле.

Маргарита продолжала ласкать соски своей подруги. Она поглаживала их, водила вокруг них кончиками пальцев, наконец охватила груди ладонями и до боли сжала их. Любаша застонала.

А рука Маргариты уже скользнула вниз. Любаша раздвинула ноги. А груди ее так упруги, что даже в этой позе сохраняется их округлость. Золотистая кожа, тоненькие жилки, голубеющие сквозь нее...

Лозовский поставил бокал на столик и протер платком вспотевшие ладони. Ему почему-то вспомнились белые пляжи Канарских островов, поцелуи и ласки, которыми они одаривали друг друга с Верой. Как они были молоды! И счастливы. А потом Вера заболела и ее не стало. И они с шестилетней дочкой Наташей остались одни. Прошло уже десять лет... Целых десять лет! Где, кстати, Наташа? Вот бессовестная дрянь! Уже двое суток домой носа не кажет!

А подруги поменялись местами. Теперь Любаша покрывает поцелуями ноги Маргариты. Какая тоненькая талия. А ягодички похожи на сердечко. Рисунок лобка совершенен и похож на половинку персика.

Лозовского забавляло, как в этой девчонке соперничают желание и неуверенность. Вот девочки обнимаются, губы их сливаются в поцелуе, языки встречаются... Ох, Любаша, Любаша... Похоже, ты начинаешь тонуть в темном омуте наслаждений.

Груды прижимаются к грудям, танец бедер ритмичен и плавен, руки и ноги переплелись самым причудливым образом... И где это Маргарита научилась так работать языком? Она не пропускает ни одного миллиметра тела Любаши. А та подрагивает всем телом, бормочет что-то невнятное, вскрикивает... И влагилице ее такое мягкое, податливое... Вот Марго приникла

к нему губами. Язык... Она не останавливается до тех пор, пока обе они не достигли оргазма. Все... Ах, сучки!.. Лежат. Совсем обессилели.

Лозовский подождал, пока его жена вместе со своей подружкой с радостным щебетом упорхнули в душ, поднялся с кресла и нажал кнопку пульта. Зеркальная панель беззвучно скользнула в сторону. Как будто ничего и не изменилось. Лозовский шагнул в спальню жены. Где эта кнопка на пульте. А, вот... Панель скользнула на место.

Зеркало было прозрачно с обратной стороны. За ним находилась маленькая комнатка: барная полка, удобное кресло, которое он только что покинул, и сейф. О существовании этого помещения никто не знал. Только он и Маргарита. В сущности, это была ее идея.

Он тогда на неделю уехал по делам во Францию. Но вернулся раньше, чем планировал. Маргарита, помнится, недовольно надула губки. Впервые она была не рада его возвращению. А потом сказала, что готовит сюрприз и несколько дней не пускала его в эту спальню.

За обеденным столом Маргарита сидела с самым загадочным видом. А в коридорах своего дома, закрытом для всех посторонних, Лозовский несколько раз встречал каких-то людей в рабочих комбинезонах. В спальне Марго приглушенно стучали молотки, жужжала дрель.

Сюрприз. Лозовский усмехнулся, вспоминая, как тактично и ловко Марго преподнесла ему свою выдумку. Сначала он было даже обиделся. А потом понял и отошел.

Все правильно, все, конечно, понятно. Годы. Ей двадцать лет, она всего на четыре года старше его дочери. А ему перевалило за шестьдесят... Старик. Он не может угнаться за молодой женой. Но он, похоже, любит Маргариту – эту девку с соломенными волосами и распутным взглядом. Возможно, что и она его любит. Иначе зачем бы ей возиться с этой обзорной комнатой?..

Разбросанная постель еще хранила запах разгоряченных женщин. За дверью ванной слышался плеск воды и веселый смех. Марго, наверное, опять откалывает свои номера с мыльными пузырями...

Лозовский положил пульт управления зеркальной панелью на столик и тихо вышел из комнаты. Ему не хотелось смущать Любашу. Все-таки дочка его ближайшего друга. Кажется, они учатся в одном лицее с Наташей. Где же, кстати, эта несносная дрянь?.. Все нервы истрепала! Ну да ладно... Он поговорит с ней, когда она соизволит вернуться. Серьезно поговорит... Петр Григорьевич нахмурился и шагнул к телефону: нужно было позвонить в банк.

– Второй день шляется черт знает где! Вот только пусть появится...

Он уже протянул руку к телефонной трубке, как телефон зазвонил сам. «Ну вот, – облегченно вздохнул Лозовский. – Это она. Соизволила, наконец, сообщить о себе!» Он торопливо поднял трубку.

– Алло...

– Здравствуйте. – Голос на том конце был мужским. С легкой хрипотцой. Очень бодрый и безразлично-официальный голос. – Это Петр Григорьевич?

– Да, – несколько растерянно ответил Лозовский.

– Лозовский? – уточнил голос. – Генеральный директор банка «Русич»?

– Да, это я. А с кем имею честь?..

– Я по поводу вашей дочери Натальи, – доверительно сообщил голос.

– Где она? Что с ней?

– Вам знакомо такое понятие как киднеппинг?

– Что?.. Вы похитили ее? Украли мою девочку...

– Успокойтесь, Петр Григорьевич. С ней все в порядке. Она жива и здорова. Находится в надежном месте... И в надежных руках.

– Где она! – взревел Лозовский. – Позовите ее немедленно! Я хочу с ней поговорить!

– Всему свое время Петр Григорьевич, – мягко ответил голос. – Вы еще услышите свое ненаглядное чадо. А пока ознакомьтесь, пожалуйста, с посылочкой. Она лежит у порога вашего дома. До свидания, Петр Григорьевич.

В трубке послышались короткие гудки. Лозовский выронил трубку и схватился за сердце. Боль накатила внезапно. Ледяные пальцы сжали сердце, и мир опять потемнел, зашатался, закружился пестрой каруселью. Стало трудно дышать, а звуки ушли. Осталась только звенящая пустота, гулкая и пугающая, как шорохи в запертом подвале.

– Олег...

Ноги не держали. Петр Григорьевич схватился рукой за стену и шагнул к лестнице в вестибюль. Где этот болван? Где этот неповоротливый боров с лисьей мордой – его слуга, телохранитель, порученец? Где этот тупоголовый идиот, этот незаменимый, проницательный, ловкий чалдон?..

– Олег...

Снизу послышались легкие шаги. По мраморным ступеням лестницы поднимался невысокий, крепко сбитый мужчина средних лет. Его темные, с проседью волосы были коротко острижены, серые глаза смотрели остро и цепко, а на правой щеке белел шрам – память о юности. Впрочем, о своей юности Олег Кулагин не любил распространяться.

Едва взглянув на побелевшее лицо хозяина, Олег сразу ускорил шаг, на ходу вытаскивая из кармана таблетки валидола. Он уже не раз становился свидетелем сердечных приступов Лозовского, и знал, что нужно делать в таких случаях.

– Положите под язык, Петр Григорьевич. – Кулагин протянул одну таблетку хозяину и покосился на качающуюся на весу телефонную трубку. – Вы хотели вызвать врача?

– Нет, – прошептал Лозовский.

Боль отступила. Остались только ярость и страх за судьбу дочери. Темнота. Он опять оказался в кромешной тьме, а где-то рядом таился враг, невидимый, ухмыляющийся, безжалостный. И готовился нанести следующий удар. Нужно было что-то делать, но вокруг была неизвестность, которая страшнее любого кошмара. Неизвестно, чего было больше сейчас в душе Лозовского – опасений за дочь или ненависти к невидимому врагу, осмелившемуся встать на его пути.

Ярость. Лозовскому хотелось увидеть своего противника, заглянуть в его глаза и послать пулю за пулей ему в лоб, чтобы стереть ухмылку с его лица. Точно так же когда-то, вечность назад, он ненавидел своего отца.

Тогда тоже было лето, такое же серое и дождливое. Отец высек его за сломанную ветку яблони. А ветка и так бы сломалась – она не выдерживала веса яблок. Мать пожалела его. Она всегда жалела его, когда отец был несправедлив. А отец... Отец был жесток и к нему, и к матери.

Отец запретил ему гулять два дня. И, словно в насмешку, в тот же день из-за бесконечных туч выглянуло солнце. Он слышал, как друзья зовут его с улицы, предлагая сыграть в футбол. Он слышал и то, как отец прогнал их со двора. Это было унижительно. Помнится, от обиды и огорчения он залез под кровать в родительской спальне и заснул.

Он проснулся от скрипа матрасных пружин. В комнате было темно. День закончился, и на дачный поселок опускался вечер. Шторы почему-то были задернуты. Заходящее солнце просвечивало сквозь желтую ткань, наполняя спальню золотистым сиянием.

Конечно, ему не стоило засыпать под кроватью. Но и выбраться сейчас он не мог: сверху, на кровати, грузно ворочались его родители. Он никак не мог понять, что они делают.

Сначала ему показалось, что они сражаются. Он чуть не задохнулся от ужаса, думая, что отец каким-то чудовищным способом убивает мать, а она с отчаянием обреченной яростно борется за свою жизнь. Кровать ходила ходуном, родители тяжело дышали – они бешено изви-

вались в смертельной, ни на миг не прекращающейся битве. А потом мать испустила глубокий стон, и тогда ему показалось, что все кончено – она обессилела и смирилась со своей участью.

А потом он вспомнил соленые рассказы Витьки Дрозда – самого тертого и бывалого мальчишки в поселке. Он не раз говорил, что все взрослые на свете занимаются Этим. Но трудно было поверить в то, что и родители ничем не отличаются от всех прочих людей, что и они привержены этому пороку.

Сон вылетел из головы, и он понял, что происходит. А родители уже успокоились и затихли. Пружины матраса перестали скрипеть. Он тихо заплакал. Ему казалось, что матери ужасно больно и стыдно. Она была самой доброй, самой прекрасной женщиной на свете, и вынуждена была подчиняться жестоким прихотям отца. И тогда он поклялся сам себе, что когда чуть-чуть повзрослеет и станет сильнее отца, он убьет его и навсегда избавит мать от боли и унижений, которые заставляют ее так стонать.

Но, к его удивлению, мать со смехом встала с постели и поцеловала отца. И еще сказала, что он бесподобен и она его очень любит. А потом они начали какой-то пустой разговор, он не помнил о чем. Что-то о покупке нового платяного шкафа и ремонте забора. Затем они оделись и вышли во двор. Он услышал, как отец зовет его, быстро выбрался из-под кровати и выскочил на крыльцо. Он соврал, что заснул на чердаке. И все смотрел под ноги, не решаясь поднять глаза на отца. Ему было стыдно. А отец потрепал его по волосам и пообещал завтра сводить в тир.

Как ни странно, отец выполнил свое обещание. На следующий день они отправились в город. Он шел рядом с отцом и старался не думать о вчерашнем дне, об Этом. Но, как назло, Это настырно лезло в голову – золотистый полумрак и грязная, недостойная возня на кровати.

А когда он взял пневматическое ружье и усатый старик-продавец насыпал перед ним горку патронов, он посмотрел на мишени – самолетик, зайчики, белочки, и выбрал одну – вставшего на дыбы желтогривого льва.

Он представил себе, что это его отец. Затем прицелился и выстрелил. Перезарядил, опять выстрелил, и так стрелял, дрожа от ненависти и возбуждения, до тех пор, пока косматое чудовище не перевернулось вверх ногами. Казалось, он слышит, предсмертный вой, видит, как из оскаленной пасти капает на доски настила багровый кровавый. А потом он отбросил ружье и выскочил из тира. Из глаз хлынули слезы. Он согнулся у дерева – его начало рвать.

Многое забылось. Но это видение приходит к нему до сих пор. Его отец, огромный, косматый, стоял в черном лесу между самолетиков и белочек, а в груди его появлялись отверстия, из которых толчками выплескивали фонтанчики крови. При каждом выстреле тело отца крупно вздрагивало, но он не падал. Он смеялся, голый, изорванный пулями, а вместо члена у него торчало пневматическое ружье.

Удивительно, как это воспоминание не окутали пласты пятидесяти лет. Тот странный, дикий мальчишка до сих пор жил внутри Лозовского, бродил во мраке с пневматическим ружьем в руках. А рядом с ним брела его ненависть...

– Петр Григорьевич! – Кулагин заглянул в глаза Лозовского. – Может, все-таки врача?

– Не надо. Мне лучше. – Лозовский вздохнул и криво улыбнулся. – Отпустило.

– Как знаете...

– Спустись-ка лучше, друг, вниз, выгляни на крыльцо. Там должна лежать коробка...

Или пакет. Будь добр, принеси. Я буду у себя в кабинете.

Кулагин кивнул и пошел вниз.

Через несколько минут он осторожно постучал в дверь и вошел в кабинет. В руках он держал небольшую, завернутую в целлофановый пакет коробку.

– Похоже, видеокассета.

– Ступай, – махнул рукой Лозовский.

Настроение его испортилось еще больше. Кассета. А на ней, конечно же, какой-то фильм. И ничего хорошего от просмотра этого фильма ждать не приходится.

– Я хотел только...

– Убирайся! Сгинь! Пошел прочь с моих глаз!.. К черту на кулички!..

Ярость вскипела, как прибой, и сразу схлынула, ушла. Осталась только пустота, гулкая, напряженная, как тетива. Олег стоял и, чуть прищурившись, смотрел на хозяина.

– Будь поблизости... – проворчал Лозовский. – Ты можешь понадобиться.

Кулагин едва заметно кивнул и выскользнул за дверь. Петр Григорьевич вставил кассету в видеомэгнифон и уселся в кресло. Потом нажал клавишу пуска.

Глава третья

– ...Конечно, женщина должна многим жертвовать ради своего собственного счастья. С этим я согласна. Я и сама часто... Н-да... Но мне кажется, что ты зашла в этом своем самопожертвовании слишком далеко...

Тело Любаша лучилось свежестью. Она стояла перед зеркалом, подняв руки – вытирала полотенцем голову. Ее девичьи груди поднялись вверх, соски торчали в разные стороны. А Маргарита еще лежала в ванне, и белоснежные хлопья пены окружали ее, словно кружево.

– Может, ты и права, – безразлично ответила она. – Но этот обычай распространен во многих странах. Саудовская Аравия, Иордан, Йемен, арабские Эмираты, Сирия, почти вся Африка... Тысячи женщин живут со своими мужчинами так же, как я со своим мужем, и прекрасно себя при этом чувствуют. Там так принято. Это даже считается хорошим тоном.

– Но ты же не обязана была поступать так же, как африканки... Или сирийки. – Любаша нервно дернула плечом. – К чему было это делать?..

– Ты так говоришь, будто считаешь меня навеки искалеченной, – улыбнулась Маргарита. – А это совсем не так. Ничего особенного я не потеряла. Во всяком случае, я не чувствую особой потери. Подумаешь, клитор удалила!.. Приобрела я гораздо больше.

– Это он заставил тебя сделать это?

– Петр?.. – уточнила Марго. – Нет, конечно.

Из белоснежной пены показалась ее нога. На гладкой коже играли блики от лампы. А ногти на пальчиках были покрыты перламутровым лаком.

– Он меня не заставлял, – пояснила Маргарита. – Просто однажды намекнул, что ему больше по душе фригидные женщины. Почему я должна была отказать ему в этой прихоти. Мы были знакомы уже два года. Мы встречались каждый день. Фактически, я жила в его Доме на положении любовницы...

– Наложницы...

– Нет. Скорее, жены. Но это меня не устраивало. Совсем не устраивало.

– И после операции твое положение изменилось? Он стал лучше к тебе относиться?

– Гораздо, – кивнула Маргарита. – Он сделал мне предложение, а это говорит о многом. Впрочем, он и раньше ко мне неплохо относился. Любил. По-своему, конечно. – Маргарита собрала в ладошки хлопья пены и начала следить за тем, как искрятся радужные пузырьки, как они оседают и с легким шорохом лопаются. – Он сам этого не знал. А я видела – любит. Видела также и то, что ему нравится, когда секс приправлен легким налетом насилия. Почему бы мне было не пойти ему навстречу.

– Наверное, он тебя ревновал, – лукаво предположила Любаша. – Он и сделал тебя фригидной, чтобы не ревновать. Признайся, что я права.

Она уже вытерла волосы и теперь сушила их феном. Ее рыжие пряди трепетали в горячих потоках воздуха, сплетались, ниспадали на плечи, скользили по спине – густые, волнистые, с золотистым блеском.

Маргарита лениво любовалась своей подружкой: ее худощавой, не оформившейся еще до конца фигурой, тонкой талией, плавной дугой бедер. Девочка очень скоро обещала стать красавицей. Еще год, другой... Жалко будет с ней расставаться. Впрочем, времени еще достаточно, чтобы успеть насладиться ею сполна.

– Ты ошибаешься, моя милая. Петр меня никогда ни к кому не ревновал. Ему, по-моему, вообще незнакомо это чувство. Он трезво оценивает свои силы и мой темперамент. Поэтому он разрешает мне спать с другими.

– Ничего себе! – ахнула Любаша. – Он что: продает тебя за деньги, сдает в аренду?..

– Глупости, – дернула плечами Маргарита. – За деньги... Он богатейший человек. Один из самых богатых людей в стране. И он очень умен. Скажешь тоже... За деньги... Ты забыла, кажется, что я его жена. Он доверяет мне. Поэтому позволяет делать все, что я хочу.

– И ты пользуешься этим? – с интересом спросила Любаша.

– Только когда он согласен.

Любаша замерла. Теперь она была похожа на мраморное изваяние. Только густые пряди волос продолжали извиваться в горячих воздушных струях – легкие, как шелк. В глазах испуг и вопрос. А над верхней губой от волнения выступили мелкие бисеринки пота.

– И о наших встречах ты тоже спрашиваешь его согласия?..

Любаша напряженно ждала ответа. Она знала, что никогда не добьется правды. Ей и не нужна была правда. Пусть Марго солжет, пусть обманет, как последнюю дуру. Она готова поверить любой лжи, лишь бы успокоиться, лишь бы увериться, что Лозовскому ничего не известно, что этот седой, степенный человек, которого уважает и немного боится даже отец, ничего о ней не знает.

– Ну что ты! Как можно!.. О наших с тобой отношениях он даже не догадывается, – улыбнулась Маргарита. – Ты же знаешь, как я тебя люблю. Ты принадлежишь мне и только мне. Я не хочу делить тебя ни с кем. Даже с ним. Это тайна. Твоя и моя тайна.

– И ты никогда не скажешь ему?

– Почему это тебя так волнует? Что с того, если он и узнает?

– Я прошу тебя... – Любаша умоляюще прижала руки к груди. – Они же давние друзья с моим отцом. Отец не поймет... И мне не хотелось бы его огорчать. Особенно сейчас, перед выборами.

– А... – рассмеялась Маргарита. – Мэра Санкт-Петербурга – в президенты! Отдай свой голос за Попкова! Вместе с Попковым – к возрождению! Знаем, знаем... Читали... Выкинь все из головы, глупенькая. Какое мне дело до политики? Для меня существуешь только ты! Смотри!..

Маргарита поднялась на ноги, зрелая, прекрасная, с разметавшейся по плечам копной желтых волос, дерзкая от сознания своей красоты. Она повернула один из многочисленных золоченых рычажков в изголовье ванны, и тут снизу, из-под воды, ударили воздушные струи.

Розовая вода заклокотала, вскипела, заходила бурунами, закружилась водоворотами. Пена с шипением поднялась над краем ванны, пушистыми клочьями полетела на кафельный пол. Маргарита начала тонуть в пенном облаке. И вдруг пена словно взорвалась разноцветными пузырями.

Легкие, нежные, прозрачные они начали подниматься вверх, к самому потолку, а в этом невесомом, радужном кружении мерцала сияющая фигура Маргариты.

– Ведьма, – прошептала Любаша. – Или ангел... Как прекрасно...

А над призрачной завесой изогнулась маленькая радуга. И сквозь волшебное сияние Маргарита протягивала к Любаше руки, словно приглашала разделить с ней свою радость.

Мужчинам было сложно разговаривать с Маргаритой. Каждый из мужчин, с которым она когда-либо встречалась, в конце концов переставал контролировать свои поступки и терял голову. Безмятежная, с невинным ангельским лицом, она неосознанно излучала сексуальный вызов, какое-то странное высокомерие, которое вызывало в мужчинах неодолимое желание что-то ей доказать, в чем-то убедить, совершать какие-то поступки, которые они никогда бы без нее не совершили, говорить вещи, о которых они потом жалели.

Да, разговаривать с ней было нелегко с самых первых минут знакомства. Легче не становилось и при следующих встречах. Когда Маргарита поднимала свои огромные карие глаза, медленно покачивала крутыми бедрами, проводила рукой по золотистым волосам, мужчины терялись – они забывали, что хотели сказать. И разговор начинал вилять, уходить в сторону,

прыгать с пятого на десятое, потому что Маргарита вела беседу сразу двумя способами и только один из них был словесный. Может, в этом были повинны ее железы и гормоны.

Все в ней излучало половой призыв – не только внешность, но и походка, жесты, мимика, поза, запах и даже блеск в глазах. И она не прилагала к этому никаких усилий. Все происходило само собой. Это шло изнутри нее, было состоянием ее души, ее сущностью.

Маргарита созрела очень рано. Она была старшей дочерью в семье. Кроме нее было еще пятеро детей. Мать постоянно сидела в отпуске по уходу за детьми, а отец был не в состоянии прокормить всю семью. Поэтому Маргарита училась в интернате, сама по себе, и виделась с родителями редко, не чаще, чем раз в месяц.

Поэтому они никак не могли поверить, что их девочка, сама кротость и послушание, вдруг, очертя голову, бросила интернат и исчезла. Они считали это шуткой, глупой ребяческой выходкой: либо Маргарита разыгрывает их, либо попала под влияние дурной компании. Ну нельзя же в самом деле взять вот так и броситься в пропасть!..

Впрочем, особенно они и не переживали, считая, что это недоразумение как-нибудь уладится само собой. Кроме Маргариты, было еще пятеро детей, которых нужно одеть, обуть, накормить, поставить на ноги.

Отец Маргариты, пятидесятилетний мужчина, начальник строительной бригады, главенствовал в доме. Его слово считалось законом. Он очень много работал, но денег все равно не хватало. Отец был бережлив до скупости. Он привык владеть ситуацией и принимать решения, но поступок Маргариты поставил его в тупик. Впервые в жизни он столкнулся с открытым неповиновением дочери и не знал, как ее можно образумить. Поэтому он выбрал самый простой путь: махнул на нее рукой и вырвал все ее фотографии из семейного альбома.

Мать была пятью годами младше отца. Ее фигура оплыла от многочисленных родов. Быт, хозяйство, обеды, стирки, властный характер отца превратили ее в бессловесное домашнее животное. Втайне она прикладывалась к рюмке и была уже на грани хронического алкоголизма. Вполне возможно, что решение Маргариты оставить интернат заставило мать переступить эту грань. Маргариту это не интересовало. Родители уже многие годы были для нее посторонними людьми, далекими и чужими.

В тот далекий воскресный день Маргарита просыпалась не спеша. Она долго лежала в постели между сладкой дремой и явью, потом села, потянулась, широко зевнула и протерла пальцами глаза.

После вчерашнего дождя обои в углу опять отклеились. Влажные потеки на стене образовывали причудливые силуэты, напоминающие то диковинных животных, то сказочные замки, то забавный шарж на учительницу математики Швабру.

Маргарита посмотрела в окно.

Окошко в их комнате было совсем маленькое. Из-за стареньких штор пробивался лучик солнца – робкий и слабый. Он скользил по серым обоям, по блеклому коврику с изображением трех медведей, по книжной полке над кроватью Глафиры, по полустертым надписям, оставленным прежними воспитанницами, пробегал по линолеуму. А потом на солнце набежало облачко и солнечный зайчик спрятался, оставив девушку в полном одиночестве, в полумраке и забвении.

Глафира еще спала. Вчера она вернулась поздно. Забралась, как обычно, через окно, долго ворочалась и все материлась по поводу «этой скотины», которая обращается с девушками как с коровами, которых нужно заклеить, а сам не может даже вымыть свою машину, и на заднем сиденье сваливает всякое барахло, словно это не машина, а помойка.

Маргарита спустила свои ноги с кровати и прошлепала к окну. Отодвинула штору, выглянула во двор. Небо было ясным, облака растаяли, и солнечные лучи заливали теплом спортив-

ную площадку и сад. Высоко над крышей учебного корпуса, едва видимая в потоках света, кружила птица. Маргарита опять зевнула и стянула с себя сорочку.

По дороге к платяному шкафу она бросила ее на небранную кровать. Затем открыла дверку и посмотрела на себя в огромное зеркало.

Стройные ноги, загорелые. В полумраке комнаты загар казался еще темнее. А незагорелая грудь была белой, как снег. Маргарита нравилась сама себе. Она покрутилась перед зеркалом, воображая себя то монахиней, то проституткой, а потом рассмеялась и начала одеваться.

Когда оглядываешься на события, круто поменявшие жизнь, память восстанавливает все в мельчайших подробностях. Одно только было странно: все возникающие перед Маргаритой видения были пронизаны тишиной. Конечно же, на самом деле все было не так: под окном на площадке играли в футбол мальчишки, шумели листья зацветающих яблонь, и весенний ветер, врываясь в комнату, играл занавеской.

Но память почему-то стирала все эти звуки и оставляла только тишину. И эта тишина была пронизана величавым спокойствием и уверенностью, ощущением скорой радости, для которой не нужны слова и звуки, которая может обходиться жестами и взглядами, молчанием. В памяти Маргариты тот день и слился с тишиной, со сладостным, неторопливым течением времени, с приближением жаркого лета и с плавным кружением далекой птицы.

А сейчас Маргарите трудно даже представить, что на свете есть тишина. Она присутствует только в памяти. Вокруг всегда столько людей, музыка, встречи... Иногда ей казалось, что тишина больше никогда не вернется, что она осталась позади, в прошлом, на пороге каникул, в том воскресном весеннем дне, совсем в другом мире, с которым все давным-давно покончено.

Тишина умерла. Она отодвинулась за кулисы, ушла с арены, стала чем-то второстепенным, стертой тенью позабытого понятия, видением, миражем. А потом и вспоминать о прошлом стало тягостно.

Но даже если бы Маргарите представилась возможность повернуть вспять время, вернуться назад и снова окунуться во времена своей юности, она наверняка почувствовала бы себя обманутой. Она просто не знала бы, что ей там делать – чужой, усталой, утратившей все иллюзии.

Но Маргарита все равно любила бродить по тропам воспоминаний. Память все приукрашивала, стирала грязь, возвеличивала обманы, наделяла тайным, двойным смыслом самые незначительные детали. И когда сердце начинало биться в груди отчаявшимся узником, когда страх и беспокойство опутывали липкой паутиной, а душа слабела и дрожала от недостатка жизни, радости и тепла, Маргарита вновь окуналась в теплые течения воспоминаний, в то солнечное весеннее утро, когда она увидела парящую в небе над учебным корпусом птицу. И боль отпускала, потому что сердце не может жить без сладкого обмана и утешения – боль и отчаяние превращают его в камень.

– Все это ноль, – объявила Глафира.

Она уже проснулась и теперь полулежала на кровати, закинув руки за голову.

– Что ноль? – поинтересовалась Маргарита.

– Все. Помнишь, Швабра нам вчера рассказывала про ноль? Не все, мол народы, до него додумались. Так вот – вчера я додумалась. Все ноль. Сколько ни шагай из минус бесконечности в плюс бесконечность, все равно окажешься на нуле.

Глафира производила обманчивое впечатление физически хрупкой девушки. Но она была наполнена какой-то могучей внутренней энергией. И этот внутренний жар придавал всем движениям Глафиры неумность. Она все время двигалась, куда-то спешила, с кем-то встречалась. Рот ее не закрывался ни на минуту. И в ней никогда не утихала непонятная ярость.

Маргарите иногда казалось, что в минуты гнева от Глафиры пахнет мускусом, как от рассерженной змеи.

– Тебе опять не повезло с ухажером?

– Свины, эти мужики. Сплошные нули. А этот... Даже целоваться не умеет. Накинулся на меня, как будто опаздывал на поезд, то клевался в губы, как попугай, то как разинет рот, будто пришел на прием к стоматологу. Кусается еще... До сих пор болит. – Глафира озабоченно коснулась пальцами нижней губы. – И язык засовывает так глубоко, до самой печени, будто и не язык это, а член... Я чуть не задохнулась.

– А ты надеялась, что это принц, и в его замке стоит четырехспальная кровать, отделанная золотом, и она уже расстелена. Горят свечи, в бокалах искрится вино... Да?

– Дворец!.. – фыркнула Глафира. – Скажешь тоже... Он затащил меня в свою чумазую машину. Боров... И сражался с застежкой лифчика, как с диким зверем. Ну скажи, неужели так трудно мужикам понять, что для того, чтобы расстегнуть лифчик, нужно тянуть крючки не в разные стороны, а наоборот, навстречу друг другу?... Пришлось самой снять. А этот козел уставился на мою грудь, рот раззявил и говорит: «Ни фига себе сиськи!..» Болван!.. Ноль. Я тебе точно говорю. Полный ноль. Надоело.

– Что тебе надоело?

– Все надоело. И ты тоже.

Глафира отвернулась к коврику и начала обводить пальчиком фигуры трех медведей.

Именно в этот момент все и произошло. Маргарита словно проснулась. Она удивленно огляделась вокруг: серая комната, серые обои, серая жизнь... Что она здесь делает? Что ее здесь удерживает?

А за окном хохотали мальчишки и светило солнце. Маргарита вдруг почувствовала, что и этот хохот, и лазурное небо, и птица, парящая в вышине, – все это она, ранее раздробленная на осколки, рассыпанная по всему миру, а теперь целостность вернулась, а с ней вернулись радость и смысл, и надежда. Словно за спиной выросли крылья. Легкая, нетерпеливая, Маргарита летела ввысь, как та птица, а серая комната, тесное гнездо, осталась далеко внизу.

И Маргарита поняла, что назад она уже не вернется. Ее ждали солнце, ветер, дальние дороги, а, может быть, в конце пути и принц в просторном замке, где уже расстелена четырехспальная золоченая кровать, горят свечи и искрится в бокалах вино.

Она сняла со шкафа дорожную сумку и начала укладывать свои нехитрые пожитки.

– Что это ты делаешь, Маргоша? – Глафира с интересом наблюдала за сборами.

– Уезжаю.

– К кому?

– Не к кому, а куда.

– Хорошо. И куда?

– А никуда. На поиски удачи. Вслед за Синей птицей. – Маргарита застегнула молнию и направилась к двери. – Прощай, Гланя.

– Дура! – зло выкрикнула Глафира. – Осталось всего полмесяца. Получишь аттестат. Без него-то как же?..

– Как-нибудь.

У порога Маргарита остановилась и еще раз посмотрела на свою комнату. Чувство жалости, что-то вроде ностальгии, неожиданно налетело, наполнило сердце. Маргарита бросилась к Глафире и порывисто ее обняла.

– Прощай, подружка. Желаю тебе удачи.

– И тебе, – ответила Глафира. – А если некуда податься, отправляйся к моей сестрице Соне. Я ей позвоню. Адрес ты знаешь.

Сказала и отвернулась.

Когда Маргарита выходила из комнаты, Глафира все так же лежала в постели и опять чертила узоры на трех облезлых медведях.

Сначала Маргарита хотела пройти по всем комнатам, обнять на прощанье всех друзей и подружек, но потом посчитала свой порыв смехотворным. «Долгие проводы – лишние слезы», – решила она и незаметно покинула интернат. В кармане у нее было почти пусто. Но на несколько дней хватит. А там видно будет.

Через час Маргарита тормознула огромный автофургон и, не раздумывая, уселась в просторную кабину.

Глава четвертая

Ночь надвинулась на город, как огромный лесной зверь. Над оранжевыми пятнами уличных фонарей клубилась легкая дымка тумана. Она поднималась выше, к самому брюху ночного зверя, к темным, синевато-фиолетовым облакам. И опять зарядил дождь – мелкий, неторопливо смывающий с городских стен остатки дня.

Лето в этом году не удалось. Почти каждый день над городом падал дождь. Мелкой водяной пылью дождь сыпался с крыш, с ворчанием хлестал из водопроводных труб, крупными каплями разбивался об асфальт – лужи кипели столбиками брызг.

Тучи медленно ползли над городом, касались крыш – ночной зверь с мокрой, дымящейся от сырости шкурой, осторожно брел по городу, опасно заглядывая в желтые прямоугольники окон, скалился на запоздалых прохожих, снующих между его мокрых лап.

Плащи, зонтики, торопливые, согнутые многодневным дождем мужчины и женщины, освещенные витрины магазинов и переливающийся каскадом неоновых светов вход в ресторан, где под бетонным навесом толпились очень одинаковые молодые девушки в ярких блестящих плащах. А вдоль обочин текли мутные ручьи. Город. Огромный город, над которым безраздельно властвует дождь.

Михаил Иванович Малахов, секретный агент по кличке «Медведь», остановил свой серебристый «БМВ» в двух кварталах от своей «берлоги» – тайной квартиры, о существовании которой знали только он и генерал Федеральной Службы Безопасности Федор Филиппович Потапчук. Дальше следовало бы идти пешком: машина могла примелькаться в маленьких двориках, начала бы вызывать ненужный интерес, вопросы... А зачем секретному агенту вызывать излишнее любопытство к своей персоне?..

Секретный агент...

Малахов усмехнулся. Он вспомнил свое детство. Пятиэтажный дом на окраине Санкт-Петербурга, за домом пустырь, а за пустырем свалка – излюбленное место игры.

Там можно было качаться на ржавых, скользких трубах, продирались сквозь кустарники изогнутой проволоки, взбираться на вершины гор ветоши и мокрого картона. А вокруг торчали позвонки и ребра каких-то машин, челюсти экскаватора, из разорванного брюха которого свешивались разноцветные провода – внутренности.

Черные рифленые шины, разломанная мебель, гнилые бревна, и белые черви, извиваясь, рыли ходы в черной мякоти древесины. Битые стекла, фарфоровые черепки, кузов самосвала, напоминающий старинный замок. А рядом валялся распахнутый, словно пасть дракона, капот автомобиля. А под ним растут мелкие цветы.

Поднявшиеся в грязи, в нечистотах и слизи, они качают своими голубыми головками рядом с болтающейся дверцей. Их нежные, причудливо сложенные лепестки, покрытые сверкающими бусинками недавнего дождя, отражаются в масляной радуге лужи.

Здесь после школы вместе со своими друзьями Малахов играл в сыщиков и шпионов.

О, сколько ловушек таилось на поле битвы! Горлышки разбитых бутылок будто готовились полоснуть по горлу, а ржавые консервные банки с неровными зазубренными краями так и поджидали голые щиколотки. И нужно было идти тихо, осмотрительно – красться, обходя изломанные листы шифера, гнутые металлические фермы, кучи битого кирпича... Где-то там, между горой старых матрасов и жестяными бочками таился коварный шпион, и от предстоящей с ним схватки зависели судьбы всего мира.

Домой они возвращались только поздним вечером и были, как говорится, «усталые, но довольные». Ссадины на коленях, синяки, дикie рысьи глаза и рогатка в кармане.

Тогда профессия секретного агента казалась чем-то удивительно прекрасным, загадочным, полным волнующей тайны. Рыцарь без страха и упрека... Бескомпромиссный витязь на страже справедливости...

Малахов выбрался из машины, захлопнул дверцу и зашагал по мокрому тротуару. По распахнутому зонтику застучали тяжелые капли. Дождь окружил Михаила, обнял своими мокрыми лапами.

Чудно. Тогда, в детстве, свалка за пустырем казалась ему целым миром, опасным, интригующим, волшебным. А потом, с возрастом, ценности переместились. Теперь весь мир кажется свалкой. Может, это сказываются годы? Может, права Аня, считая его, тридцатилетнего мужчину, стариком?

На углу улицы собралась небольшая толпа. Она перегородила тротуар. Перед ней, на ярко освещенных ступенях бара, возвышался затянутый в прозрачный полиэтиленовый плащ мужчина. Он что-то говорил, громко и убежденно. На его длинной, вклученной бороде, словно слезы, блестели капельки дождя. Полиэтиленовая накидка в свете неона была похожа на кожу, а под ней просвечивал красный пиджак, отчего казалось, что уличный проповедник истекает кровью.

– ...Россия обанкротилась и биологически, – вещал бородатый пророк. – Рождаемость падает просто катастрофически, россияне превратились в алкоголиков и наркоманов, а их дети страдают от невротизма и слабоумия. Оглянитесь вокруг! Мы вырождаемся! Мы заглатываем тонны спиртного, никотина. Гашиш, героин, ЛСД можно купить среди белого дня просто на улице! Мы отвернулись от природы, а город губит нас...

Чтобы обойти толпу, Малахов сошел с тротуара на проезжую часть. Он замедлил шаг. Его поразили лица собравшихся: строгие, сосредоточенные. Женщина с хозяйственной сумкой, дородный мужчина с кейсом... А вон тот белообрый парень недоверчиво скалится...

– ...Наши правители обанкротились идеологически, – продолжал жарко кричать Бородатый. – Они перебрали все экономические, все философские системы и завели страну в тупик.

А мораль?!.. Мы мечемся от атеизма ко всем мыслимым верованиям, а в душе остались дикарями. Вокруг царит беспредел! Мы на словах постоянно требуем бога, царя, порядка, но в сердце своем отвергаем их, потому что на самом деле ни черта нам не надо – ни бога, ни царя, ни порядка, а надо нам только хлеба и зрелищ! Каждый вечер мы уходим в алкоголь или наркотики и мечтаем, как о несбыточном, получить задолженную за несколько месяцев зарплату... Посмотрите на нашу молодежь! Ее охватило уныние и, как следствие этого, разложение! И мы видим это разложение, но воображаем, будто оно нас не касается. А оно все равно отравляет нас безнадежностью, сковывает нашу волю и тянет к пропасти. А ведь это наше будущее!

Малахов разглядел за спиной бородатого адепта красочный плакат «Все голосуйте за мэра Санкт-Петербурга Попкова!» и ему стало скучно. Так бывает, когда вместо свежей, зрелой мысли приходится выслушивать банальности, а истину подменяют суррогатом.

Он уже жалел, что прислушался к словам бородатого агитатора. Ему не хотелось даже смотреть на него. Бородатый слишком горячился, логику его суждений заменяла страстная убежденность, излишняя жестикуляция и запелляционный тон. К тому же он сильно шепелявил, а это выпадало из образа пророка грядущих бедствий.

Малахову часто приходилось слышать такие вот вдохновенные разговоры о пропастях, в которые стремительно катится Россия. Чаще всего это оказывалось или политической игрой депутатов Государственной Думы, или следствием жизненных неурядиц отчаявшегося человека – нехваткой денег, отсутствием работы...

Пропасть...

Часто она является лестницей, помогающей взобраться на Олимп. Затеваются дутые политические процессы, энергичный деятель собирается перевернуть мир, воображает себя потрясателем основ и спасителем России.

Но вот по телам своих соперников он взобрался на самый верх, и их одолевают уже иные заботы. А оставшиеся внизу теряют веру. У них остается только надежда. И они начинают искать нового кумира, а он не заставляет себя долго ждать. И тогда начинается все сначала.

А неделю назад на этих самых ступенях стояла женщина. В руках она держала какие-то брошюрки. За ее спиной висел все тот же портрет Попкова. Вокруг нее так же толпились люди, но говорила она им не о пропастях – она вдохновенно говорила о надежде.

Странно... Малахов, несмотря на свою фотографическую память совершенно забыл, как она выглядела... Помнил только голос, высокий, захлебывающийся. И голос этот призывал к действию.

– Неотъемлемой частью надежды является твердая вера в воздаяние, – изрекала проповедница. – Все в этом мире связано, а человек является узлом сплетения всех связей.

Женщина выступала с удовольствием, рассчитывая, должно быть, обратить в свою веру кого-нибудь из своих немногочисленных слушателей. Малахов никак не мог понять, понимает ли она сама то, о чем толкует, или же механически пересказывает отдельные фразы из какого-нибудь учения. Но люди не перебивали ее, хотя Малахов заметил, что многие перестали улавливать суть ее рассуждений. Однако все внимали с интересом.

А женщина сыпала притчами, философскими рассуждениями, цитатами из тайных доктрин. Она привела пример правильного поведения человека, искренне верящего во Вселенскую справедливость. Малахова тогда ошеломило сходство такого поведения с его собственными действиями – действиями убийцы на тайной службе в ФСБ.

– Надежда – это и есть действие, – убеждала проповедница. – Однажды утром вы просыпаетесь, открываете кошелек, подсчитываете наличность и убеждаетесь, что денег на жизнь у вас совсем не осталось. Лишь несколько мятых банкнот отделяют вас от полной нищеты. Однако у вас осталась надежда, и потому вы не должны сдаваться и впадать в отчаяние. Ведь у вас появилась возможность на деле проявить свою веру во Вселенскую справедливость, воплотив ее в надежду.

Люди смущенно переглядывались. Они не совсем понимали, как же в таком случае нужно делать и как поступать правильно.

– И что вы предлагаете? – спросил один из слушателей.

– Я предлагаю поступить так, как поступил бы искренне верящий во Вселенскую справедливость человек.

– Это как же?

– Очень просто. Искренне верующий вышел бы на ближайший перекресток и разбросал бы остатки своих денег во все стороны! – заявила женщина. – И деньги вернулись бы к нему, как зерно возвращается к посеявшему его.

Тут люди загалдели, кто-то рассмеялся – слушатели начали расходиться. А женщина продолжала кричать им в спины, что деньги обязательно вернуться, они умножатся многократно благодаря Вселенской справедливости, потому что надежда – причина – повлечет за собой следствие – тысячи тысяч рублей. Только неверующему, а значит, слепому, такое развитие событий может казаться колдовством.

Но люди уже не слушали ее. Одни разочарованно покачивали головами, другие презрительно усмехались – все торопились по своим делам. Вскоре возле женщины остался только Малахов.

– А сами вы верите в то, что говорите? – спросил он уличную проповедницу.

– Конечно, – с вызовом ответила она. – Нужно только верить в справедливость. Это является единственным и совершенно необходимым условием успеха. А если не веришь, то только разрушишь всеобщие связи и непоправимо навредишь себе.

Женщина собрала в стопку свои брошюры, сошла со ступенек и пошла по улице вниз, легкая, воздушная, окруженная солнечным светом. А Малахов, задумавшись, смотрел ей вслед.

Справедливость...

Не она ли заставила его пройти Афганистан?

А потом, после возвращения домой, когда он мечтал оглядеться по сторонам, чтобы вырваться, наконец, из того кровавого круговорота, который его засосал, разве не мечта о справедливости указала ему новый путь?

Тогда он был молод и пытался найти хоть какой-нибудь смысл в своих беспорядочных исканиях. Но жизнь была уже другой, и любые его раздумья оборачивались мучительным недоумением. Мирная жизнь отторгала его. А война, в ее бесполезной абсурдности, наоборот, представлялась совершенно ясной и понятной.

Бессмысленность происходящего была очевидной. И эта очевидность доводила Малахова до неистовства. Он не мог понять, почему люди, другие люди, видевшие то же самое, что и он, а может быть и больше, читавшие те же газеты, живущие рядом с ним, по соседству, и далеко, на другом конце страны – почему они смирились?

Почему они с какой-то непонятной радостью и упоением приняли участие в этом безумном спектакле, где им отведена роль безвестных статистов? Почему они так безоговорочно и свято верили в мудрость правителей, способных провозглашать расточительство и коррупцию единственным способом спасения разграбленной страны? Почему?

Порой все это казалось Малахову невозможным, приснившимся кошмаром. Но сон не кончался, длился месяцы, годы. И тогда Малахову чудилось, что все вокруг него играют в какую-то непонятную, непостижимую игру, а теперь, забыв правила, забыв, что это не игра, а жизнь, мечутся бессмысленно и бесцельно по игровому полю. А потом в жизни Малахова появился человек с удостоверением офицера Федеральной Службы Безопасности. И этот человек предложил работу.

Иногда Михаил пытался разглядеть, что ждет его там, впереди. Но время поворачивалось вспять, взгляд тонул в потоке воспоминаний, скользил по разрозненным течениям мыслей, и снова вовлекал его в кровавый круговорот, из которого не было исхода. Но теперь в его жизни был смысл – справедливость...

– ...Поэтому я призываю вас отдать свои подписи в поддержку мэра Санкт-Петербурга Виктора Михайловича Попкова. – Бородатый, похоже, заканчивал свое выступление. – Мы должны гордиться этим человеком. Вся деятельность Виктора Михайловича Попкова была направлена на борьбу с...

Малахов не дослушал. Его мало интересовало, с чем же всю жизнь боролся Виктор Михайлович Попков. Медведь спешил на встречу с генералом Потапчуком – своим единственным начальником, «хозяином».

О встрече они договорились еще днем. Уже несколько дней Михаил вместе с Ириной и Аней отдыхал на снятой на лето даче. Они только собирались обедать. И тут раздался звонок.

«Хозяин» сказал, что дело серьезное и не терпит отлагательства. Встретиться необходимо как можно быстрее. Малахов ответил, что будет ждать генерала в своей «берлоге» и повесил трубку.

Чтобы успеть добраться до Санкт-Петербурга вовремя, Михаилу пришлось бросить все дела и, самое страшное, отложить обещанный поход в парк. Он наскоро поцеловал Анечку, обнял Ирину и погнал свой «БМВ» в город, к своему тайному убежищу.

«Берлога». Это было, пожалуй, единственным в городе местом, где Михаил чувствовал себя спокойно, в безопасности. До назначенного времени оставалось еще два с половиной часа,

и Михаил надеялся успеть где-нибудь перекусить, а потом сварить кофе и послушать что-нибудь из своей музыкальной библиотеки.

А дождь продолжал лить.

Вдоль улицы по обеим ее сторонам тянулись мутные огни фонарей. Над ночными магазинами и кафе ярко сверкали неоновые вывески. Разноцветные отсветы на мокром асфальте переливались, как рассыпанные нитки поддельных драгоценностей.

Мимо, задев Малахова, прошла какая-то парочка и завернула в бар. Мигающая вывеска – «Последний оазис». Дверь открылась, и оттуда донесся гул голосов, звуки музыки, похожей на отдаленный рев прибора.

Двое парней в усыпанных металлических бляхами кожаных куртках стояли на углу улицы и курили, зябко поводя плечами. Один из них выплюнул окурочок прямо под ноги Малахову и загоготал. Наверное, ему было очень скучно. А может, он считал, что ночь – это его время, и теперь улицы, мокрые, опустевшие улицы безраздельно принадлежат только ему.

Парни как парни. Нормальные ребята. Только нормальные они днем и каждый в отдельности. А вот вечером они меняются, выходят на улицы и толпятся под фонарями – хмурые, нарочито медлительные. Они всеми силами стараются не походить на весь остальной мир. Наверное, это стремление и делает их так похожими друг на друга.

Они и поступают одинаково: ощущение собственной значительности заставляет их искать приключения – так хочется вызвать восхищение или хотя бы обратить на себя внимание окружающих.

А днем им скучно – старый, усталый, нервный мир, который построили взрослые, вызывает у них только тоску и раздражение. Они напряженно ждут прихода ночи и только тогда чувствуют себя хозяевами города, властителями каждого случайного прохожего.

Малахов молча прошел мимо. У него не было сейчас ни времени, ни желания указывать юнцу на его заблуждения. А парень, видимо принял его невозмутимость за боязнь. Он кивнул своему рослому приятелю.

– Пройдемся...

Парни затащили до конца молнии на своих кожаных куртках, сунули руки в косые карманы и, отклеившись от стены, молча пошли следом за Малаховым. Михаил слышал за спиной топот их башмаков на рифленой подошве и хриплое, нездоровое дыхание.

Наверное, эти двое были из тех, о которых с надрывом рассказывал Бородатый – бедные дети, погрязшие в разврате и страдающие от неврозов и слабоумия. Надо же, как некстати они увязались!.. Волки. Нет, волчата. Блуждающие по каменной стране волчата.

Как много их развелось в последнее время – злых, беспощадных, остервенелых. Они охотятся из засады. Нападают на беззащитных стариков, женщин, одиноких прохожих. Таких, например, как Малахов.

Один из парней как-то ловко оказался сбоку. Усатый, смуглокожий, похож на мексиканца. Глаза горят, зрачки на весь глаз, в уголках губ слюна... Интересно, что это он курил?.. Конечно же, не «Беломор». А второй зашел спереди и преградил путь. Малахов оказался прижат к серой, в мокрых потеках стене.

– Ну, лох ушастый, – просипел Слюнявый. – Стой на месте. Не рыпайся. Выкладывай, что там у тебя в карманах.

Взгляд у парня был узкий, холодный, поблескивал металлом. И нож в его руке тоже поблескивал. Держал он его правильно – чуть на отлете. Чувствовался навык. А второй начал суетливо вытаскивать из кармана велосипедную цепь и бормотал:

– Ща, Чико! Ща я его сделаю...

– Все понял, лох? Или глухой?.. – наседал Слюнявый Чико.

Он улыбнулся. Первое возбуждение ушло, и теперь Чико предвкушал расправу над беззащитной жертвой. Впрочем, это только ему казалось, что жертва беззащитна. Слюнявому Чико и в голову не приходило, как близко он сейчас находится от своей глупой и жалкой смерти. А второй замешкался. Видно, цепь за что-то зацепилась.

– Ша я его...

Малахов вздохнул и молча посмотрел на Слюнявого. Тот нервно облилиз губы. Ему явно не нравилось спокойствие жертвы. Его начали одолевать сомнения, что он ошибся, что лохи ушастые не ведут себя так независимо, словно и не нож маячит у них перед глазами, а воздушный шарик. Что-то здесь не так. Но отступить было поздно.

Возможно, Слюнявый Чико сообразил, что на этот раз дичь им попалась не по зубам, и что лучше было бы бежать со всех ног прочь. Но сделать это ему мешала бравада и сознание того, что их все-таки двое, а жертва одна. И поэтому он шагнул вперед и выставил перед собой лезвие.

– Я жду, слышишь?! – Голос его слегка дрогнул. – Долго мне еще тебя уговаривать?..

А второй вытащил, наконец, свою дурацкую цепь. И тоже шагнул вперед, примеряясь для удара. Оба парня были близко, слишком близко, и раздумывать было некогда.

В драках вообще раздумывать некогда. Приходится полагаться на свою реакцию, и если она есть, тогда появляется и шанс увернуться от ножа, заблокировать удар, сделать ответный выпад.

Ненависть. Нужно уметь ненавидеть, уметь превращаться в зверя – рвать, колоть, рубить такого же зверя, иначе его клыки вопьются в твое горло.

Ненависть – вот ключевое слово для хищника, а эти парни – настоящие хищники. Ненависть копится в них целый день, вливается постепенно, по каплям, пока к вечеру не заполняет все сердце. И когда на город опускается ночь, начинается время охоты. Преступления больше не существует. Жестокость становится великолепной игрой, чудесной забавой. И остается только один закон – нападай первым, и одно правило – никаких правил.

Игры, жуткие современные игры, куда более страшные, чем война. Потому что на войне отбираешь жизнь у другого, чтобы выжить самому и схватка идет на равных. А здесь смерть низведена до ранга шутовского развлечения.

Поэтому Медведю не хотелось убивать этих глупых волчат. Некоторые вещи – необратимы, а одна смерть тащит за собой другую, и конца этой цепочке нет. Смерть – это такой же омут, как и жизнь. Стоит броситься в нее с головой, и на берег уже не вернешься.

Парни почему-то медлили.

А между тем до встречи с Потапчуком оставалось всего два часа. Малахов вздохнул: опаздывать на свидание с непосредственным начальником было по меньшей мере невежливо.

И Малахов отбросил зонтик и рванулся вперед. А ребята попались неповоротливые. Они напали разом – мешали друг другу, широко размахивали руками, хрипло матерились. А Медведь рубил их, стараясь не убить, не искалечить, а только успокоить на время, потому что трупы ему были не нужны – за ними сразу потянется кровавый след, который может привести к «берлоге».

Может, эти дети и страдали неврозами, но вот слабоумием они не страдали, это точно. Особенно Слюнявый Чико. Когда его приятель выронил цепь и рухнул на асфальт, да так и остался лежать, захлебываясь кровью и блевотиной, Слюнявый Чико попятился и оглянулся, выискивая путь к отступлению. Это было еще одной ошибкой. Потому что в ту же секунду Малахов выбил нож из его руки. Тонкое лезвие мелькнуло в струях дождя и коротко звякнуло далеко в стороне. А потом последовал удар ребром ладони по гортани...

Слюнявый Чико осел. Малахов едва успел его подхватить и прислонить к стене. В глазах «волчонка» застыл ужас. Он знал, что перед ним тоже хищник, но гораздо более опытный и

сильный. Слюнявый Чико привык жить по законам ночи. Он сам не знал пощады и не ждал ее от других.

Затравленный зверь. «Нет, – подумал Малахов. – Никогда это великовозрастное дитя не будет стоять на страже над пропастью во ржи. Оно, скорее, подтолкнет к самому краю...»

– Слушай внимательно и запоминай надолго, – сказал Малахов. – Мне понравилась эта улица. Теперь я буду ходить здесь часто, очень часто – каждый вечер. И если мы еще раз встретимся, то тебе будет больно, мучительно больно. Ты меня понял, волчонок? Или глухой?..

Слюнявый согласно закивал головой. Понял, мол... Прекрасно все понял. Говорить он не мог. И еще полчаса не сможет. Будет только хрипеть.

Сбоку послышался топот и голоса. Из-за поворота вышли двое.

– ...И на фига ты пристал к этому уроду?!.. Напился, как свинья, так будь человеком! Шлепай из-за тебя по лужам... А так хорошо сидели...

– А чо?.. Я был в норме. Все путем... Подумаешь, еще один пузырь...

– А телка та чем тебе насолила? Что ты на нее налетел, как боров? И меня, гад, еще припутал?.. Ты ж видел, что с ней урод этот... Он об тебя стул сломал...

– Я ж говорил... Мне он сразу не понравился. Сука... А эта телка... Как ее звали-то?..

– Пошел ты к черту, алкаш! Напьешься – ничего не помнишь.

– Еще как все помню!.. И уroda этого в галстукe однозначно помню... Пусти меня! Вцепился, понимаешь...

– Ничего, Жорик, ты не помнишь. Знаю я тебя. У тебя после третьей глаза к переносице съехались. Закусывать надо... А я тебе говорил... Без закуси ты не человек. И на фига пиво сверху заливать?.. Ты не брыкайся, а то под трубу засуну. Вмиг отрезвеешь!

– Эй... Глянь. Там уже один лежит... А вон тот с зонтиком... Это ж тот урод!

Улица была пустынная. Только Малахов и Слюнявый. И еще эти двое. Молодые, крепко сбитые ребята. Один, высокий, широкоплечий, держал под руку второго, плотного и мордастого. А Мордастый все куда-то порывался. А теперь, пьяно уставившись на Малахова, Мордастый Жорик решительно затормозил. Попытки Высокого сдвинуть его с места были тщетными.

– Попался, урод! – заорал Жорик, пытаясь схватить Малахова свободной рукой. – Теперь, гад, не уйдешь...

– Да это не тот! – пытался урезонить приятеля Высокий. – Тот в галстукe был и в кожаной куртке. А этот, смотри, с зонтиком...

Малахов отодвинулся в сторону и указал на Слюнявого.

– А может, вы этого ищете? – спросил он. – Куртка, вот, на месте... Или его дружка? Только дружок сейчас занят. Отдыхает.

– Точно! Это тот урод! – завелся с полуоборота Мордастый Жорик. Он остервенело вцепился в Слюнявого Чико. – Галстук, сволочь, снял... Меня не проведешь!.. И курточку поменял...

Слюнявый испуганно замотал головой и что-то захрипел. Боль в горле все еще мешала ему говорить. Малахов толкнул его в пьяные объятия Мордастого Жорика, а сам пошел прочь. Он подобрал валяющийся на мокром асфальте нож Слюнявого Чико. Хороший нож. Сталь превосходная. Изогнутое острие и желобок для оттока крови. А рукоятка сделана из кости, мягкий переход от охристого цвета к темно-коричневому, шероховатая поверхность – очень удобно, не скользит в руке. Отличный боевой трофей.

Малахов уже дошел до следующего поворота, а за спиной все не переставал клочкотать возмущенный голос Жорика:

– Пусти, Федя... Дай мне этого уroda... Он ту телку увел! Как ее?.. Нет, ты помнишь, что он вытворял?.. Он об меня стул сломал!..

Высокий Федя начал что-то бубнить, но Мордастого Жорика остановить было уже невозможно.

– А если это и не он, так что?.. – надрывался Жорик. – А ну стой, урод! Куда намылился? У, гад... На, получи...

Малахов шел, не оглядываясь. Он знал, что и Слюнявый Чико, и двое подвыпивших парней сейчас плотно заняты друг другом и не обращают на него никакого внимания. А Слюнявый... Пусть он теперь испытает на собственной шкуре, что значит быть беспомощной жертвой. Может, тогда он поймет, что такое Вселенская справедливость?..

Глава пятая

Любовь не занимала большого значения в жизни Маргариты. Сексуальные отношения не имели для нее эмоциональной окраски. Это был всего лишь один из способов получить удовольствие или расплатиться. Поэтому она быстро нашла общий язык с водителем автофургона. Маргарита стала для него элементарным удобством, таким, например, как придорожные кафе. А Маргарита не возражала. Мыслями она была очень далеко, впереди, в городке на берегу теплого, ласкового моря.

Водитель Шура называл свой фургон «Полоумным Бизоном». Иногда Маргарите казалось, что это не Шура ведет машину – она едет сама по себе и только позволяет ему играть с баранкой. Она сама выбирает дорогу, останавливается или несется на полной скорости, грузно переваливаясь на рытвинах и опасно накреняясь на поворотах. И вливает в своих пассажиров сумасшествие, капля за каплей.

Иногда Шура вдруг начинал морщиться, мотать головой, вдруг доставал из-под сиденья початую бутылку водки и начинал глотать из горлышка вздох, жадно, а машина неслась с ревом по асфальтовой полосе, виляла из стороны в сторону, пыхтела и редела, словно действительно была ослепшим от безумия животным.

А Шура включал приемник на полную громкость и начинал безумно хохотать, а потом вытаскивал из-за пазухи пистолет и приставлял Маргарите к виску. Шутил.

Маргарита рассталась с ним без сожалений. А он укатил дальше, со своей музыкой, водкой и головной болью – ополоумевший бизон, пленник стального монстра. Она подсчитала наличность. За время путешествия сумма значительно возросла. Шурик давал ей деньги на продукты, а сдачи никогда не требовал. Дальше она добиралась на автобусах – благо, до приморского городка было рукой подать.

С автовокзала она позвонила домой. Судя по тону отца, дома началась очередная перебранка. Папаша был опять сильно навеселе.

– Какого черта ты делаешь в Крыму? Не понимаю... Тебе что, вожжа под хвост попала? Тут трубку перехватила мать.

– Риточка! Что с тобой случилось, дочка?

Маргарита ответила, что бросила интернат к чертям собачьим и больше никогда туда не вернется. Мать не понимала. Она хотела узнать причину такого странного поступка, и все добивалась откровенности.

– Нет, я не беременна... И от милиции не скрываюсь... И парня у меня никакого нет... Просто до смерти все надоело: оловянная посуда, казенные одеяла, зубрежка... Найду работу и все образуется.

И тут трубку опять вырвал отец. Несколько минут Маргарите пришлось выслушивать его рев. Она дура, она посмешище, она бросила интернат на пороге окончания... Что на это можно было ответить?

Маргарита сухо попрощалась и повесила трубку.

Соня жила на окраине города. Маргарита вышла из автобуса и зашагала мимо длинной вереницы домишек с облупленными, потрескавшимися стенами, мимо безмолвных деревьев, тихо плавившихся от жары, мимо глубоких, гулких подъездов, похожих на ловчие ямы.

На улице, несмотря на палящее солнце, как угорелые, носились мальчишки и стреляли друг в друга из игрушечных пистолетов. У некоторых подъездов стояли или сидели люди. Они лениво переговаривались между собой и смотрели на Маргариту пустыми, безразличными глазами.

Она свернула к подъезду старого пятиэтажного дома. Когда-то, давным-давно, это здание имело вполне приличный вид и было, наверное, даже красивым. Но за долгие годы деко-

ративная лепка почернела от грязи, во многих местах потрескалась, а сбоку и в верхнем углу отлетела вовсе.

Пол в подъезде был выложен черными и охристыми плитками в шахматном порядке, но множество ног, проходивших по нему, так его отделали, что теперь пол походил на поле недавнего сражения.

Перила лестницы были выщерблены и шатались, лампочки висели без колпаков, просто в патронах, а вокруг них темнели пятна сырости. Где-то наверху гремел магнитофон. Кто-то крутил тяжелый рок, и металлические звуки судорожно дергались в воздухе, пропитанном запахами мочи, жареного лука и никотина.

Маргарита поднималась все выше. На третьем этаже плакал ребенок, а в соседней квартире ссорились – женский визг перекрывал мужской бас. На четвертом – истерически хохотали девочки. Квартира Сони находилась на пятом.

Маргарита позвонила и поставила сумку на пол.

Дверь открылась только после четвертого звонка. На пороге, цепляясь нетвердой рукой за замок, появилась женщина в бигуди. Лицо землистое, одутловатое, крупные поры на щеках, а глаза блеклые, как вялые незабудки. Испещренная багровыми прожилками кожа свисала складками.

– Кого надо?

Женщина дышала тяжело. Дыхание сопровождалось свистом, напоминающим визг пилы.

– Мне бы Соню...

– Соню? – Женщина усмехнулась и с презрительным любопытством оглядела Маргариту с ног до головы. – И ты туда же?.. А по виду сразу не скажешь...

– Где она?

– Эта дрянь здесь больше не живет. – Женщина покачнулась и начала закрывать дверь.

– Где же мне ее найти? Скажите... Я приехала издалека... От ее сестры.

– От Глашки-то?.. – Женщина тяжело оперлась спиной о дверной косяк. – Глашку помню... А Соня... Ищи эту гадину в кабаке. Она там каждый вечер шныряет. Сука...

– В каком кабаке?

– В «Портовом».

Женщина отклеилась от косяка и с треском захлопнула дверь.

Казалось, в баре вместе с посетителями была заперта дневная жара, невидимая, сырая и липкая одурь, пропитанная запахом спирта и застарелым табачным дымом.

Вечер только начинался, а бар был уже полон. Кто-то пел песню, кто-то, назло ему, – другую, за столиками старались перекричать поющих – там кричали, спорили или орали просто для того, чтобы поорать, а у стойки толпились ярко накрашенные девицы и лысый коротышка что-то с жаром рассказывал рыжему верзиле. Все это сливалось в общий оглушительный гул.

Маргарита протолкалась вперед и встала у стойки рядом с лысым коротышкой.

– Эй, приятель! – окликнула она бармена. – Как мне найти Соню? Говорят, она здесь частенько бывает.

– Бывает, – кивнул бармен. – Только рано еще... Подожди полчаса. Может, появится. Что будешь пить, красавица?

– Апельсиновый сок есть?

Бармен посмотрел куда-то вниз и кивнул.

– Это все?

– Сначала сок. А дальше видно будет.

Перед Маргаритой возник высокий бокал с ярко-оранжевой жидкостью. Она отхлебнула глоток, прислушиваясь к разговорам.

Лысый череп коротышки был исчерчен мелкими белесыми шрамами. Тощее тело тонуло в яркой рубаше, которая была ему непомерно широка и доходила почти до колен. Он все время ухмылялся щербатым ртом и похлопывал своего рыжего приятеля по плечу.

– ... Вот так-то, братан! – заливался он. – Отделал по первое число! Поработал на славу!

– А пошел ты!.. – проворчал верзила. Его руки были покрыты затейливой татуировкой: какие-то русалки, якоря, кинжалы с каплями крови, могильные кресты. – Брехло... Тебе и с цыпленком не справиться.

– А где, по-твоему, я пропадал больше двух недель? – хихикал коротышка. – Замели меня, братан... А за что? Да ты послушай, послушай... Что морду-то воротишь?.. Вот... Сижу я, значит, у стойки в той забегаловке... Ну, ты знаешь... В «Кораблике»... Сижу я там, водки взял и хлебаю помаленьку. А тут входит этот гусь...

– Какой еще гусь?

– Да ты слушай, слушай... Я ж тебе говорю. Входит, значит, этот фраер, подходит вразвалочку так к стойке и цедит сквозь зубы: «Налейте-ка мне холодного крюшону». Представляешь? Ух, падла! Я чуть со стула не упал. Куда ты, говорю, морда, пришел? Здесь тебе, говорю, что, ресторан «Астория? Холодного крюшону захотел!.. На кой ляд тебе это пойло?

В бар входили все новые посетители. Вот ввалилась целая толпа – видно, команда с теплохода. Они шумно приветствовали знакомых, а потом все разом присоединились к компании за угловым столиком. Сони все не было. Маргарита отхлебнула еще несколько глотков и посмотрела на часы. Половина девятого.

– ... А этот гусь смотрит на меня эдак свысока и говорит: «Не твое дело!», – продолжал захлебываться Лысый. – Тут меня обида взяла. Так-то, говорю, ты с людьми разговариваешь, сучий потрох! Кто тебя, говорю, воспитывал, жук навозный? «Пошел к черту, – говорит этот фраер. – Протрезвей сначала, алкаш!» Ох, как мне не понравилось, что он ко мне задирается! Всегда так: сидишь себе тихо, никого не трогаешь, и тут приходит какой-нибудь педик, и не дает человеку спокойно выпить. Холодного крюшону ему захотелось!.. Ну, думаю, гад, я тебе сейчас покажу холодный крюшон! Сейчас ты у меня... Прыгаю, значит, со стула и головой ему прямо в брюхо. А тут эта баба за стойкой как запищит!.. А я...

– Да брось заливать! – махнул лапой верзила.

– Точно тебе говорю! В натуре, так и было! Баба эта орет, а я ей: «Чего орешь, сука?» А этот педик разогнулся и как съездит мне по уху... Я его за грудки. Значит, так, говорю? Ну, держись! И головой прямо в его харю!.. Хочешь, покажу как?

– Это ты брось, – пробасил верзила. – Давай, заливай дальше.

– Ну, вот... Катимся мы, значит, по полу. Весело: столики опрокидываются, стулья трещат, стаканы – вдребезги... А я все головой работаю... Видишь?

Коротышка наклонил свою лысую голову и потрогал пальцем мелкие шрамы.

– Уже зажило. А тогда кровь хлестала ручьями. Я долбаю его, а сам понять не могу, где моя кровь, где его. А гусь этот жилистым оказался. Саданул меня пару раз коленом, да надолго его не хватило. А эта баба – вот сука – позвонила ментам, те и приехали. Меня и повязали. А у жука этого кровь течет изо рта, нос – всмятку и глаз совсем заплыл. Меня – в участок. А что я такого сделал? Сидел себе тихонько, никого не трогал... Все этот гад с его холодным крюшоном. Холодный крюшон!.. Надо же!

Маргарита подняла свой наполовину уже пустой бокал и отодвинулась от коротышки подальше. Она думала о завтрашнем дне. Что, если Соня не придет? На неделю денег хватит. А что потом? Опять под кого-нибудь ложиться?

За соседним столиком сидели двое. Лица породистые, высокомерные. Один – полный, румяный, с длинными волосами, собранными за спиной в хвост. Второй – высокий, худой, с суетливыми, нервными движениями.

– ... Вот вы говорите – музеи, театры, выставки... – степенно рокотал Румяный. – Нет, я не против всего этого. Но только, подумайте, кто туда ходит? Одни туристы.

– И воры, – вставил Худой.

– А, бросьте, – махнул рукой Румяный. – Есть тысячи способов воровать, не нарушая уголовный кодекс столь явно. Дело совсем в другом. Дело в том, что культура зашла в тупик. Прошло то время, когда культура должна была идти в народ. Теперь нужно, чтобы культура исходила из народа. В этом спасения от варварства.

– Кружки художественной самодеятельности, художники-самородки, общества трезвенников и раскаявшихся шлюх... – махнул рукой Худой, торопливо наливая себе очередную стопку.

– Ваша ирония неуместна. Да, охват кружками находится на крайне низком уровне. Но лучше делать хоть что-нибудь, чем ничего не делать! Нужно отвлекать наш народ от алкоголя, наркотиков, сексуальных извращений...

– Друг мой! Лучше ничего не делать, чем делать что-то кое-как. Потому что делать кое-как – хуже, чем вообще ничего не делать.

– Вы не правы, не правы... – загорячился Румяный. – Даже то, что сделано кое-как, всегда хоть что-то. Потому что того, у кого нет плана жизни, ждет разочарование. Лучше ехать куда-то, чем стоять на месте. Нужно смело и решительно вспрыгнуть на подножку отходящего от перрона поезда и крикнуть пассажирам во все горло: «Куда вы едете? Зачем? Что собираетесь делать дальше?»

– Все ваши вопросы будут заглушены свистком локомотива, – усмехнулся Худой. – Да и слушать вас никто не будет. Люди садятся в этот ваш поезд, чтобы убежать от своей доли. Скажите, положив руку на сердце, существует ли кто-нибудь где-нибудь, кто может сказать, что доволен своей жизнью? Страна стоит одной ногой в могиле, а вы продолжаете с оптимизмом смотреть на небо! А там пусто. Оттуда никто не спустится с готовыми ответами.

– Но программа Попкова...

– Ах, оставьте... Ради бога! Почему я должен верить этому ослу, уважаемому мэру Санкт-Петербурга, вашему боссу? Он хочет поднять дух народа! Да если вы хотите знать мое мнение о духе, то никакого духа нет! Он давно умер и уже истлел, превратился в прах, развеялся! Он задохнулся в брюшном жире одних и превратился в ненависть в голодных желудках других! И с этой ненавистью нам еще придется столкнуться.

– Вы слишком мрачно смотрите на жизнь, – заметил Румяный. – А жизнь, как сказал Жозе-Луи Боргес, прекрасна, но не надо от нее требовать слишком многого.

– Жизнь прекрасна, – кивнул Худой, вновь хватаясь за бутылку. – Но от нее почему-то умирают. Я надеюсь все-таки дожить до собственной смерти. – Он запрокинул голову и влил содержимое стопки в горло. – Проклятье! Где-то же все-таки строят космические корабли, изучают Марс, создают новые технологии... А мы... Вся страна – сплошной тупик... Нет, даже не тупик, а заповедник – заповедник глупости, бессмысленной жестокости и лживости. Представьте себе, на прошлой неделе, в Санкт-Петербурге, я познакомился с доктором социологии Берритом. Он уже второй год сидит здесь: изучает нас, как подопытных крыс. «Инстинкты у высших позвоночных», так, кажется, называется его работа. Вы улавливаете? В его глазах мы ведем себя, как стадо первобытных дикарей! В своей деятельности мы руководствуемся не разумом, а инстинктами. А ведь он прав! С этим приходится согласиться. А Беррит блаженствует! Его работа близится к концу. Через год-другой он получит Нобелевскую премию, а мы по-прежнему будем сидеть в дерьме. По самые уши. И никогда из него не выберемся.

– Позвольте с вами не согласиться. Попков предлагает программу выхода из...

– Бросьте, – Худой говорил с трудом. Язык уже его не слушался. – Нужен диктатор. Сильная, твердая рука, способная навести в этом борделе порядок. Недовольных – к стене, остальных – в строй...

– Эй, красавица... – Бармен похлопал Маргариту по руке. – Твой бокал пуст. Налить что-нибудь? Может, капельку ликера?

– Да, пожалуй, – рассеянно кивнула Маргарита. – А кто эти люди, вон, за столиком?..

– Румяного толстяка я вижу впервые. Видно, с теплохода. Там у шишек что-то вроде семинара... А высокий и костлявый – советник нашего мэра по культуре. Тоже шишка на ровном месте.

– Дерьмо он, а не советник по культуре.

– Да? – с интересом спросил бармен.

– Вот тебе и да! Когда же Соня-то придет?

– Придет, не волнуйся. А советник, что он сделал?..

– Он еще ничего не сделал. Он еще собирается сделать.

– Ага... Понятненько... – Бармен налил малиновый ликер и пододвинул рюмку к Маргарите.

– Ты искала Соню. Вон она... – сказал он. – На взводе уже...

Маргарита оглянулась и чуть не выронила рюмку. Она едва узнала Соню.

Глава шестая

Да, фильм производил впечатление. У Лозовского перехватило дыхание, когда он увидел свою дочь с этими двумя типами. Она лежала на кровати, вместо простыни – российский флаг, один из партнеров, небритый азиат, гарцевал на ней сверху, а второй... Да... А потом все эти цепи, кнуты, распятия... Хороша дочка. Нечего сказать...

«Ее опоили. Или вкололи какую-нибудь дрянь. Глаза черные, зрачки расширены... Ее заставили. Чем-то угрожали, может, даже били... Сволочи!»

Пошли последние кадры. Вот мутные капли спермы брызнули прямо на экран и медленно потекли вниз. Все. Титров, конечно же, нет. Такие фильмы делают по специальным заказам. Или продают за границу – там много любителей «нового русского кино».

Несколько секунд по экрану бегали серые полосы, а потом вновь появилось изображение. Наталья, дочка... Тесная комнатка, на полу матрас, смятое одеяло. Стены пустые, крашенные в какой-то неопределенный зеленовато-коричневый цвет. Окно забрано решеткой. И Наталья... Она сидела в своем желтом платье на стуле и смотрела в окно.

– Как видите, Петр Григорьевич, ваша дочка цела и невредима. – Голос был тот же, что и при телефонном звонке – насмешливый, ироничный. – Трехразовое питание, душ, вечером – телевизор. Мы же не звери... Обстоятельства вынуждают нас поступать таким образом... А обстоятельства, Петр Григорьевич, таковы...

Наталья подняла с подоконника пачку сигарет, достала одну, щелкнула зажигалкой. Она глубоко, как-то судорожно, затянулась и выпустила струйку дыма. Голубые колечки ударили в оконное стекло и растеклись по нему в разные стороны.

– ...Зря вы, Петр Григорьевич, не прислушались к нашей просьбе сразу, не пошли нам навстречу с самого начала...

Ирония в голосе невидимого вымогателя сменилась доверительностью. Он разговаривал с Лозовским, как с малым ребенком, который не хочет слушаться старших. И за это лишается сладкого.

Сейчас начнутся требования. Петр Григорьевич машинально взял в руки карандаш и принялся вертеть его в руках.

– ...А ведь мы предупреждали, что готовы пойти на самые крайние меры...

«Мы». Он все время говорит «Мы». Это придает словам значимость, особый вес. Не «Я», а «Мы». Значит, он представляет солидную организацию, которая серьезно относится к делу и намерена во что бы то ни стало добиться своего. Шантаж... Или гибель дочери...

Лозовский вспомнил, как неделю назад к нему в банк пришел некий неизвестный, которого Лозовский окрестил «Седой», и предлагал крупную сумму и оказание различного вида услуг в обмен на уступки при оптовых закупках рекламного времени на только что созданном Свободном Телевизионном Канале «Орбита».

Лозовский был одним из инициаторов создания этого нового канала. Он потратил на реализацию этого проекта два года, считал его своим детищем, домом, семьей, где его официальный статус был последним, что интересует тех, кто в этом доме живет и работает. На студии его называли отцом-основателем. Канал «Орбита» был акционерным обществом открытого типа, в котором Лозовский был избран членом совета директоров.

В настоящее время распределение акций внутри СТК «Орбита» было таким, что он имел возможность реально определять общую политику вещания. И когда в газетах поднимался шум, что на канале «Орбита» первую скрипку играют правительственные чиновники, иностранцы или крупные корпорации, вроде «ЛУКОЙЛА», Лозовский относился к этому с усмешкой, потому что ни одно принципиальное решение не могло быть принято без его согласия.

Между прочим, тринадцать акций канала «Орбита» принадлежали мэрии Санкт-Петербурга. Это было важно для Лозовского: он опирался и тесно сотрудничал с правительством. Важно было и другое. Сегодня СТК «Орбита» смотрели около ста миллионов человек, причем девяносто процентов аудитории составляли те, что жили в провинции, от Бреста до Владивостока. Поэтому рекламное время на канале было подобно курочке, несущей золотые яйца.

Лозовский знал о трагедии, случившейся на канале ОРТ с Владиславом Листьевым. Одно время там увлеклись оптовыми закупками рекламного времени. Тут же в систему проникли криминальные группы.

Все происходило очень просто: какой-нибудь делец через одно из рекламных агентств, а иногда и напрямую, через «черный нал», закупал, к примеру час рекламного времени в прайм-тайм за двести тысяч долларов. Потом этот делец дробил купленный час на двадцатисекундные ролики и продавал по двойной цене. Чистая прибыль составляла двести и более процентов!

Понятно, что всем причастным чиновникам на телевидении выделяли свой кусок пирога. В итоге канал ОРТ нес огромные финансовые потери, зато его чиновники оказывались в прибыли, а делец отмывал грязные деньги, получал прибыль и расширял политический канал влияния на аудиторию.

Время закупалось на месяц, два, иногда и на полгода. Столичные группировки, вроде «Солнцевской», обосновывались на этом «Клондайке» всерьез и надолго. Все катилось, как по маслу, пока не появился Листьев и не начал пересматривать правила игры.

Лозовский был лично знаком с Владиславом. Он видел, как стремительно нарастала конфликтная ситуация из-за того, что Листьев решил объединить всю рекламу в одних руках и ввести на ОРТ единую отчетность. И тогда кто-то нанял киллера...

Некоторые говорили, что Листьев согласился терпеть это безобразие еще некоторое время, но потребовал слишком жирный кусок. Лозовский этому не верил. Он знал Владислава достаточно хорошо. Скорее всего, Листьев занял непримиримую позицию и отказывался пойти на компромиссы. Финал становился неизбежным.

А потом ОРТ пошло на беспрецедентный шаг: на целых полгода на канале была исключена любая реклама. Видно, именно столько времени понадобилось, чтобы изменить рекламную деятельность и добиться согласия между заинтересованными сторонами.

При создании СТК «Орбита» Лозовский постарался избежать этих ошибок. Однако история, похоже, повторяется. И ведь пришли не к генеральному директору Осамбаеву, а к нему, Лозовскому! Видно, Седой был хорошо осведомлен о том, кто является настоящим хозяином на канале «Орбита»...

А на экране телевизора Наталья продолжала смотреть в окно и голубой дым стелился по темным окнам, а за окнами было темно, только блестели мокрые от дождя прутья решетки и где-то далеко-далеко, над черными крышами, искрилась радугой световая реклама «Кока-Колы».

Лозовскому захотелось вскочить с кресла и приняться крушить все вокруг – опрокинуть стол, стулья, шкаф, скинуть со стен на пол литографии, сорвать портьеры...

– ...А ведь нам нужно всего лишь ваше согласие, – продолжал убеждать голос. – Всего лишь легкий, никому, кроме нас, не заметный кивок головы. И тогда эта кассета, которую вы только что просмотрели, никогда не появится на экранах других каналов, не будет разослана вашим друзьям и врагам, не попадет в редакции желтых газет...

Пауза. Невидимый собеседник замолчал, чтобы дать Лозовскому время взвесить сказанное, хорошенько подумать над возможным развитием событий. А потом голос снова зазвучал. Но теперь тон изменился: исчезла доверительность и мягкость, а каждое слово, сухое и отрывистое, казалось выстрелом.

– ...Но если я вас не убедил, если вы не боитесь позора и падения репутации вашей и вашего банка... Что ж, значит вы не любите свою дочь... А она красавица... Жалко, когда вот так, попусту, из-за вашего упрямства погибнет ее красота...

Карандаш в руке Лозовского треснул и сломался. Две половинки покатались по полированной поверхности стола. Лозовский поднял оба обломка и постарался соединить вместе. Получилось. С виду все тот же карандаш – целый, место соединения почти незаметно. Но это только с виду. Карандаш был сломан. В сущности, он уже перестал быть карандашом. Два огрызка...

Некоторые вещи необратимы. Если они случаются, то сделать уже ничего нельзя. Ни склеить, ни оживить... Ни сложить две половинки... Таких вещей мало. Обычно из любой ситуации умный человек сможет найти выход.

Умный может найти выход... Лозовский покачал головой. А вот мудрый, например, даже не допустит ситуации, из которой нужно будет искать выход, потому что его можно и не найти. Смерть не имеет выхода. Это путь в одну сторону. И поэтому важно избегать ошибок. Они могут быть роковыми.

Наталья повернула голову и посмотрела в камеру, прямо в глаза отцу. Какой-то шум, словно рев приближающегося автомобиля. А потом изображение на экране телевизора исчезло. Сверху вниз побежала полосатая рябь, и экран зашипел, как рассерженная гадюка, уползающая в густую тень после удачного броска.

Лозовский откинулся в кресле. Кто мог это сделать? Синие? Какая-нибудь криминальная группировка?.. Тогда их интересуют только деньги – желтый металл, хрустящие зеленые купюры, которых всегда так мало.

Или к похищению и шантажу причастен кто-то из правительства. Разница небольшая. Месяц назад Попков познакомил Петра Григорьевича с отставным полковником Службы безопасности президента Валерием Стрелецким. Тот сообщил интересные сведения. Позже интервью со Стрелецким опубликовала газета «Московский комсомолец».

В сущности, отставной полковник не сказал Лозовскому ничего нового. Да, чиновники госаппарата коррумпированы. Поражали только масштабы коррупции. Бывший руководитель президентской администрации Филатов благодаря большой дружбе с «лицами кавказской национальности» построил себе дачу в миллион долларов, а бывший вице-премьер Заверюха украл из бюджета три триллиона рублей, а председатель Госкомимущества Бойко имел двойное гражданство и был связан с ЦРУ... Несколько удивило Лозовского то, что после опубликования «Московским комсомольцем» интервью со Стрельцовым, никто из чиновников не подал на него в суд за клевету. Наоборот, в одном из выступлений Явлинский прямо заявил, что из-за повальной коррупции он уволил бы из правительства всех, кроме Немцова. Впрочем, все эти заявления могли быть простой политической игрой.

А на пороге выборы. Если к делу причастен кто-то из правительства, значит, кроме денег им нужен выход в эфир, влияние на аудиторию. Впрочем, постановка вопроса может быть и иной.

Всем известно, и Лозовский не делал из этого секрета, что мэрия Санкт-Петербурга владеет акциями канала «Орбита», и что Лозовский поддерживает Виктора Попкова – мэра северной столицы, своего давнего друга и ставленника. Мало того, он активно подталкивает Попкова к президентскому креслу. Не то, чтобы канал «Орбита» всячески агитировал за Попкова, но материалы, явно направленные против мэра Санкт-Петербурга на канале просто не проходили. И кому-то наверху это преимущество могло не нравиться. А в скорой предвыборной гонке соперников нет места сантиментам. И тогда был найден простейший способ ослабить противника. В этом случае удар был опосредованным – через Лозовского в Попкова. А Наталья выступала, как разменная монета.

Ах, времени нет! Удар нанесен слишком рано. Нужно немедленно начинать реализацию плана «Зубы дракона». Позвонить Попкову?..

Лозовский схватил телефонную трубку и начал лихорадочно набирать номер. Виктор будет, конечно, против... Ему нужен еще месяц, чтобы набрать обороты. Но Наталья!.. Через месяц она будет наверняка мертва. Седой, или как его там, не позволит морочить себе голову.

– Приемная мэра. Говорите...

А вдруг это все-таки «синие»? Вдруг он сейчас порет горячку? Ну-ка успокойся, возьми себя в руки... – Лозовский аккуратно положил трубку на рычаг. – Значит так: или «синие», или кто-то из соперников Попкова.

Действия одиночки Лозовский отвергал. Слишком крупный размах. Рекламное время на канале – это деньги, большие деньги, это общественное мнение, это четвертая власть. В одиночку и даже маленькой группой здесь не справиться. Нужна мощная организация.

«Что делать? Уступить? Отдать Седому канал «Орбита», спасти Наталью, уйти из политики? Но тогда шансы Попкова стать президентом значительно снизятся. Для предвыборной кампании нужны большие деньги – они у Лозовского были, но нужно и телевизионное время... А если на канале «Орбита» начнется травля Попкова...

А потом, как же быть с планом «Зубы дракона»? Подлый план, гнусный, да. Но беспроигрышный. – Лозовский поморщился. – Вначале он был против этой резни, но Виктор убедил его. О, как иногда он бывает убедителен. Особенно, когда оппоненты позволяют себя убедить. А если все сорвется?..

Вся работа – десять лет – все пойдет насмарку. Ведь это он, Лозовский, нашел Попкова в клубе «Перестройка», это он разглядел в нем будущего лидера и не ошибся, это он сделал его мэром Санкт-Петербурга. И теперь, когда Попков стоит в двух шагах от президентского кресла, Лозовского вынуждают отказаться от победы, от дела, от власти.

А ведь это будет только началом. Если Попков не станет президентом и уйдет с политического горизонта, Лозовский лишится поддержки центральной власти. И значит, ему снова позвонит Седой или еще какой-нибудь выродок и снова насмешливо и невозмутимо попросит об очередной услуге. А потом снова и снова...

И кассета. Над его головой Дамокловым мечом будет висеть видеокассета – эта экранизация «Кама сутры», в которой его дочь служит наглядным пособием. Проклятье... Дешевая шляха... Впрочем... – Лозовский устало провел рукой по лицу. – Впрочем, она не виновата. Это я не уследил за ней. После смерти матери я уделял ей слишком мало внимания. Она не могла... Это ее заставили... Бедная девочка. Но что же мне делать?..»

Дверь открылась и в кабинет впорхнула Маргарита. Мокрые волосы. На щеках играет румянец. Свежая, легкая, сама молодость и красота, она, улыбаясь, подошла к мужу и уселась к нему на колени.

– Как тебе понравилось представление?

На щеках Маргариты появились озорные ямочки. Когда она улыбалась, нижняя губа забавно оттопыривалась, влажная, сочная. А в глазах играли чертики.

– Представление?.. Ах, да!.. Любаша. Кстати, где она?

– Уже ушла. Завтра вечером ее папаша выступает между отделениями рок-концерта «Молодежь – против войны». А она, ты же знаешь, следит за его имиджем – прическа, костюм, походка и все такое... У нее неплохо получается.

– Такая молоденькая... – рассеянно произнес Лозовский. – Кто бы мог подумать...

– Молоденькая!.. – фыркнула Маргарита. – Ты плохо ее знаешь. Она утрет нос любому старенькому... А ты видак решил посмотреть?

– Да. – Лозовский посмотрел на мерцающий экран телевизора. – Что-то вроде этого...

Маргарита удивленно изогнула бровь. Она знала этот тон, и этот потухший взгляд.

– Петр, что случилось? На тебе лица нет.

– Да ничего особенного...

– Петр!..

Лозовский поднял глаза на жену. Ее лицо было совсем близко, глаза стали строгими, настороженными. «А почему бы и не сказать? Все равно узнает. Шило в мешке не утаишь.»

У Лозовского не было секретов от Маргариты. Он доверял ей, полагался на нее с тех самых пор, когда год назад его вместе с молодой женой пригласили на обед. На обеде должен был присутствовать президент.

Маргарита никогда еще не присутствовала на встречах такого уровня. Помнится, она очень волновалась, хотя внешне это никак не проявлялось. На обеде должен был решиться крайне важный для банка «Русич» вопрос о поставках нефти. Все зависело от решения президента.

Все началось прекрасно: прием, ни к чему не обязывающие фразы, сдержанное восхищение при виде Маргариты, а она была хороша, дьявольски хороша – открытые плечи, загадочная улыбка, сияющие глаза... Потом стол, первый тост, поднятые бокалы с шампанским... И тут, то ли по неосторожности, то ли от волнения, во время глотка Маргарита откусила краешек бокала.

Выплюнуть в руку, улыбнуться и пошутить?.. Или сделать это незаметно? Но она в центре внимания, красивая дама, жена виднейшего банкира. А потом перешептывания, иронические намеки: «Это та, что закусывает шампанское стеклом. Читали про йогов? Во-во... Муж специально для нее выписывает из Чехии хрусталь. Чтобы у нее выработался вкус. Ха-ха...» А Лозовского будут встречать понимающими улыбками – как же, бывает, опростоволосилась половина, нечего было искать жену на помойке... Какие серьезные вопросы можно решать с человеком, у которого жена такая дура?

Маргарита сидела весь обед, заложив кусок стекла за щеку. Она ослепительно улыбалась, уместно шутила, но наотрез отказывалась от еще одного бокала и закуски. И только потом, когда все встали из-за стола, а президент увел ее мужа для приватной беседы, она выскочила в дамскую комнату и выплюнула осколок.

– Наталью похитили, – сказал Лозовский. – И еще кассета... Порнуха с ее участием. – Петр Григорьевич хмуро кивнул на видеомонитор. – В качестве выкупа – канал «Орбита».

– И кто эти умники?

– Или «синие», или кто-то из кандидатов. Выборы на носу. Вот-вот выстрелит стартовый пистолет...

– Значит, на Попкове можно поставить крест?

– Вовсе нет. У Виктора есть в рукаве пара козырей. – Лозовский подумал о плане «Зубы дракона». – Но будет скандал. Рикошетом ударит и по нему. Но если я отдам канал, то крест можно поставить на нас. Да и черт с ним... Наталья!.. С ней могут сделать что угодно. Это ты понимаешь?

– Что тут понимать!..

Маргарита скривила губы. Ее будущее, все планы и птица, парящая высоко в небе – все это ставилось под большой знак вопроса. Мириться с этим было нельзя. Она не могла, не хотела начинать все с начала. Это было не честно, не справедливо, в конце концов, просто глупо.

– Позвони Попкову, – твердо сказала Маргарита. – Из-за твоей дочки мы по уши в дерьме. Но и он не останется чистеньким...

– Да что он может сделать?

– У него связи в ФСБ. Он умеет находить нужных людей. Пусть свяжет тебя с кем надо. Конфиденциально. Никаких бумаг. С глазу на глаз.

– Если они об этом узнают, – Лозовский кивнул на видеомонитор. – Наталья может пострадать...

– А ты уверен, что она не пострадает, когда ты выполнишь все требования? Ты, вообще, уверен, что она еще жива? Если хочешь вытащить свою дочку, эту... Короче, если хочешь ее спасти и остаться на коне, звони Попкову. Он обязан тебе по гроб жизни. Он разорвется, но найдет Наталью. И уничтожит кассеты. Должны быть копии. Звони ему! Не тяни! Не обращаться же в милицию!..

Маргарита вскочила с колен мужа. Теперь она ничем не напоминала ту томную красавицу, которая несколько минут назад вошла в кабинет. Волчица. Волчица, защищающая свое логово.

Маргарита быстро набрала номер и протянула мужу телефонную трубку.

– Приемная мэра. Говорите...

– Это Лозовский. Соедините меня с Виктором Михайловичем.

Глава седьмая

Как мало иногда нужно для того, чтобы человек почувствовал себя счастливым! Иногда достаточно вовремя выданной зарплаты, или улыбки проходящей мимо девушки, или просто хорошей погоды. А Малахову сейчас для полного счастья нужна была чашечка горячего кофе, музыка и сигарета. Именно в такой последовательности.

Михаил поставил на огонь красноватую медную джезву и приступил к священнодействию. Вот начала появляться пена, вот поплыл такой дразнящий горьковатый аромат... А теперь нужно дать кофе отстояться.

Он посмотрел в окно.

Тучи сгустились в разбухшие серые горы. Они грузно передвигались по небу, поглотили весь свет, кроме тревожных отсветов уличных фонарей и желтых прямоугольников окон. Дождь не переставал.

Тучи спустились совсем низко. Казалось, они скребут своим брюхом по мокрому асфальту. Они заполнили все небо, и черная злобная пелена протянулась над крышами от горизонта до горизонта.

Нет, солнце никогда больше не встанет. Дождь будет журчать и журчать, с рычанием обрушиваться на землю, гулять и стучаться в окна, вздыматься пузырями на тротуарах. Он зальет все: улицы и площади, срежет под корень деревья, подроет фундаменты зданий – и город поплывет по мутным водам, как потерпевший крушение корабль, а дома будут ежиться, трястись от холодной, безжалостной сырости и тесно прижиматься друг к другу, чтобы хоть немного согреться. И тогда люди покинут тонущий корабль.

А дождь будет падать и падать. А потом земля напитается, и на этом месте начнет всходить новый город – одни колосья и никаких плевел. А когда дома созреют, в них поселятся люди, и все начнется сначала.

...А кофе готов. Малахов налил его в большую чашку, уселся на диван и взял в руки пульт дистанционного управления музыкальным центром. Теперь для счастья нужна музыка. Классика. Вот так... На панели проигрывателя зажглись разноцветные огоньки. Мастерскую заполнили звуки музыки. Оркестр играл Моцарта.

Словно тысячи колокольчиков, медных, бронзовых, серебряных, золотых, вдруг затрепетали разом под порывами ветра, залетевшего под купола собора и разбудившего дремавших там птиц. А птицы проснулись и рванулись в небеса, задевая кончиками крыльев колокольное кружево. И под взмахами белых крыльев рождалась мелодия, изумительная по красоте и прозрачности.

Иногда встречались меланхолические нотки, но они тут же исчезали, не могли не исчезнуть, потому что голубиная стая бурлила жизнью – каждая птица знала свое место, а все вместе они создавали чудесное созвучие.

– Говорила мне мама: «Иди в музыканты...» – вздохнул Михаил. – А я, вот, не послушался... Сидел бы сейчас за роялем, огромным, космическим таким роялем, на все сцену – аплодисменты, похвалы критиков, восторги молоденьких поклонниц... И никаких тебе трупов. Играл бы Моцарта для Ирины и Анютки. Это ли не счастье? А, Малахов?..

Фортепьяно. Этот инструмент одинаково хорошо передавал и поэтическую созерцательность и бурное волнение. Малахова приводили в восторг богатейшее разнообразие оттенков и удивительная звучность.

Много есть в мире вещей непонятных, темных, но к фортепьянным концертам Моцарта это не относилось. Радость с легким налетом грусти. Но даже эта грусть была светлой, лишенной страданий – Моцарт не выносил страданий и тоски. Его музыка звучала вдохновенно, жиз-

нерадостно и лирично, ласка сменялась веселым смехом – все пройдет, все трудности будут преодолены, тучи рассеются, и в город снова вернется солнце...

А в начале последней части раздался телефонный звонок. Михаил отставил пустую чашку, убавил звук и поднял телефонную трубку.

– Это я.

Малахов узнал голос Потапчука.

– Слушаю.

– Хорошо, что ты на месте. Я уже поднимаюсь. Кстати, у тебя есть видеомagneтофон?

– Есть.

– Хорошо. Посмотрим один фильм. Так, несколько отрывков...

– Посмотрим.

Михаил положил трубку и взглянул на часы. Ни дослушать концерт до конца, ни выкурить сигарету у него уже не получится. Достижение полного счастья опять отодвигалось в туманное будущее.

Малахов отключил музыкальный центр и посмотрел на телевизор. Странно. Обычно Потапчук приходил, пил свой кофе, а потом доставал чью-нибудь фотографию и клал ее на стол. «Этот человек опасен. Его нужно аккуратно скомпрометировать.» Так и говорил – «скомпрометировать». Не «убрать», не «убить»... Потапчук умел красиво говорить о самых неприятных вещах.

Даже Малахова он называл не профессиональным «ликвидатором», не наемным «киллером», а «карающим мечом Фемиды». Впрочем, он был близок к истине.

Странная штука – память. Любое событие запечатлевалось в памяти Малахова, точно картинка, клеенная в альбом. Толстый альбом, распухший от множества картинок – иногда ярких, красочных, солнечных, а большей частью дешевых, захватанных, грязных картинок, изображавших только боль.

Они хранились внутри, в самом сердце. А Малахов вновь и вновь невольно их проглядывал: открывал альбом тайком, словно мальчишка, листаящий «Плейбой», пересматривал его с конца к началу, останавливался на какой-то странице, внимательно рассматривал одну картинку за другой, а затем мог или открыть следующую страницу, или вовсе захлопнуть альбом.

Темные страницы памяти. Дорога. Целая вереница людей. Они двигаются медленно, и нет у них никакой цели – никуда они не спешат, ни к кому не торопятся, потому что давно уже мертвы. Малахов знал это наверняка, потому что сам и убил их. Скомпрометировал...

Их фотографии в альбоме памяти. Лица спокойные. Ни гнева, ни желаний, ни страданий и боли. Ни жизни. Они смотрят со страниц на Малахова, словно укоряют его за то, что он с ними сделал.

А иногда одна какая-нибудь картинка начинала преследовать Малахова, будто страница согнулась или смялась, и теперь альбом открывается только на ней. Гниющий, разлагающийся труп в расщелине... Запах, липкий на ощупь и черви, копошащиеся в разорванном животе...

Но это случалось редко, только тогда, когда Малахов спал и терял над мыслями контроль. Потапчук объяснял это внутренним разладом. Мол, нужно поменьше думать над философией, а побольше над практикой. И вообще, быть проще: не надевать на себя мантию судьи – только колпак палача. Если, мол, весы в руках ослепшей Фемиды заржавели, то справедливость восстанавливает меч.

Вернувшись после Афгана Малахов понял, что Закон не всемогущ. Богиня справедливости закрыла глаза повязкой и не видела, что творится на земле. И когда человек из ФСБ предложил Малахову восстанавливать справедливость там, где закон бессильен, он без всяких раздумий согласился.

И началась его новая, вторая жизнь. Официально Малахов числился в списках погибших на войне. Ему дали другое имя, собрали по крупинкам новую биографию. Он выпал из мира, исчез для всех, кроме одного человека – «хозяина».

Малахов был не один. Их было семеро. «Великолепная семерка». Так же, как и он, эти ребята были мастерами рукопашного боя, отличными стрелками, способными стрелять на слух или потушить в темноте сигарету с двухсот метров.

Да, они умели многое: стреляли, метали ножи, виртуозно водили машины, но главное – они верили, искренне верили в то, что занимаются пусть грязным, но необходимым делом. Страна бушевала, как море. Со дна, вместе с мутью, поднялись жуткие чудовища. И если этих чудовищ уничтожить, то море успокоится и воды снова станут прозрачными.

Наивно... Но они в это верили: смотрели на фотографии, протянутые «хозяином», просматривали конверт с необходимой информацией и уходили на задание, в темноту, в ночь. Они себя так и называли – «ночные псы».

Служба Безопасности мощнейшая организация с почти неограниченными возможностями. Их «хозяин» занимал в этой организации достаточно высокое положение. И тем не менее он отчаянно нуждался в своей ночной своре. Очень часто «сверху» поступали письменные инструкции, ограничения, порой раздавались телефонные звонки, и чей-то запрет сводил на нет тщательно продуманные операции. Бумага с высокой подписью была сильнее любого оружия. И тогда «хозяин» выходил на связь с кем-нибудь из «ночных псов».

Так продолжалось годы. В конце концов из всего отряда в живых остался только Малахов – «Медведь». Так его в шутку прозвали за недюжинную силу, ровный, спокойный характер и уникальную способность отчетливо видеть в темноте.

Действительно, Малахов даже дождливой безлунной ночью мог читать газету, а в полной темноте прекрасно различал предметы на расстоянии до десяти метров. Кроме того, он обладал очень чувствительным, прямо-таки звериным вкусом и нюхом. Не раз на спор с завязанными глазами он по запаху узнавал членов своей «своры», мог определить напиток в плотно закупоренной фляге, интуитивно чувствовал стороны света и мог с большой точностью без часов назвать время.

Все это у него выходило шутя, без усилий. Малахов воспринимал свои таланты, как должное. С его губ не сходила едва заметная улыбка. Демонстрируя по просьбе напарников свои «фокусы», он выглядел вялым, неуклюжим, даже немного сонным – этакий простодушный увалень, настоящий Михайло Иванович из русских народных сказок. Но в любой момент, как по волшебству, Малахов – девяносто килограмм мышц и сухожилий без единого грамма жира – мог преобразиться в готового к схватке бойца. И тогда он действительно напоминал медведя – решительного, неудержимого, страшного в своей ярости.

Погиб «хозяин». Его место занял другой. И остальные ребята погибли. Любая ошибка в работе вела напрямик в могилу. А вот Малахов остался. И кличка эта осталась за ним. «Медведь».

Погони, засады, охота: переодевания, изменение походки, голоса, постоянная настороженность... И смерть. Смерть была его работой. Не было ничего личного между ним и людьми, которых он «компрометировал» по указанию «хозяина». Была только холодная решимость выполнить порученное дело, чего бы это ни стоило, ведь речь шла о справедливости. И Медведь восстанавливал эту самую справедливость.

Иногда все происходящее казалось ему сном или игрой. И правило было только одно: убить или быть убитым. Это было честное правило, и Малахова оно устраивало.

Он всегда работал один: не входил ни с кем ни в какие союзы, не сколачивал коалиции – просто выслушивал задание и уходил в ночь. И у противника не оставалось ни одного шанса на победу: Медведь действовал стремительно, убивал без раздумий, а потом мгновенно уходил, растворялся в толпах горожан, в лабиринтах проспектов и улиц, в каменных джунглях

огромного города – человек ночи, оборотень без лица, косматый зверь в обличье ленивого увальня. Он инстинктивно чувствовал опасность и старался не допускать ошибок, потому что возможности учиться на ошибках у него нет: первая же его ошибка будет последней. Как это случилось с прежним «хозяином». Как это случилось с напарниками. Как это в любой момент может случиться с ним.

– Кофе хорош, нечего сказать, – кивнул головой Потапчук, отхлебнув глоток из фарфоровой чашечки. – Как тебе это удается?

– Секрет, – улыбнулся Малахов. – Да ты пей, Федор Филиппович... Кури, если хочешь... И рассказывай, что привело тебя, на ночь глядя, в мои апартаменты.

Потапчук достал из дипломата видеокассету и протянул ее Малахову.

– Просмотри. Это не долго.

...Девочка. Нет, уже девушка. Лет шестнадцать... Волосы темные, рост – сто семьдесят, вес шестьдесят, глаза – карие... Она сидит у окна, смотрит на ночной город и курит.

За кадром звучит голос:

– Как видите, Петр Григорьевич, ваша дочка цела и невредима. Трехразовое питание, душ, вечером – телевизор. Мы же не звери... Обстоятельства вынуждают нас поступать таким образом... А обстоятельства, Петр Григорьевич, таковы...

Комната пуста. Только матрас на полу. А на окне-то решетка. Хотя, судя по мелькающей за окном рекламе «Кока-Колы», это не первый этаж. Наверное, второй или третий. У девушки усталый вид... Нет, скорее, разочарованный... Точно так же выглядит Анюта, когда по телевизору вместо обещанного мультфильма начинается трансляция первенства страны по футболу.

Губы девушки густо накрашены помадой – на фильтре сигареты видны темные следы. А сиреневые табачные колечки растекаются по оконному стеклу, как волны от брошенного в воду камня. Ловко она с этими колечками!.. Чувствуется практика.

Девушка повернула голову. Теперь она смотрела прямо в камеру. Потапчук остановил изображение.

– Это Наталья Петровна Лозовская. Да, да, дочь того самого Лозовского. Она похищена неизвестными личностями. Сегодня днем Лозовский получил видеокассету. Я так понял, что это грязная порнуха, в которой главную роль играет его дочь – эта самая Наталья. Возможно, ее накачали наркотиками, возможно, запугали... Ты ведь знаешь – существуют тысячи способов заставить человека делать то, что ему совсем не хочется делать.

Малахов еле заметно кивнул головой.

– Ее нужно найти, – сказал Потапчук.

И замолчал. Надолго. Хмурил лоб, скреб щеку. Словно не знал, достаточно ли он дал информации или все-таки нужно кое-что добавить. Малахов считал, что информации явно недостаточно.

– Кого нужно найти? – спросил он, чтобы вывести «хозяина» из ступора. – Копии кассеты или девочку?

– И то, и другое. Школьница. Десятый класс. Пропала два дня назад. Потом пришла кассета. Требования похитителей ты слышал.

Потапчук фыркнул и снова принялся хмуриться и скрести щеку. Он был в явном затруднении. Значит, это дело представлялось ему достаточно серьезным.

Странно... Ну, хорошо. Пропала девушка, школьница, дочка солидного банкира, связанного с ведущими политиками. Лозовского шантажируют, требуя доли в рекламном бизнесе. Это, конечно, ужасно, состав преступления налицо... Но это не могло так заинтересовать Потапчука – его отдел занимался совсем другими вещами. Да и Малахов не был специалистом по борьбе с киднеппингом. А вместе с тем Малахов давно уже не видел своего шефа в таком состоянии – взволнованный, что-то недоговаривающий, какой-то нерешительный, Потапчук

находился сейчас в таком явном противоречии с самим собой, что, казалось, вот он встанет, заберет кассету и скажет, что этим делом займутся его ребята из отдела.

Но ничего подобного не произошло. Потапчук поднял на Малахова глаза и спросил:

– Справишься за три дня?

Теперь следовало сказать, что «и не такие дела раскручивали», или утвердительно кивнуть с солидным, понимающим видом, или еще каким-нибудь образом высказать свою решительность и готовность действовать. Но многое было не ясно. А Малахов не любил работать вслепую.

– Я должен найти Наталью Лозовскую и копии видеокассеты, – сказал он. – Это понятно. Не понятно, почему это дело ты поручаешь мне, одному мне, а не своре своих волкодавов, а ведь, как я понял, дело срочное – ты никогда еще не вызывал меня по пустякам. Не понятно, почему вообще ты занялся этим делом, ведь похищения детей находятся за пределами сферы деятельности твоего отдела. Не понятно... Ах, как много остается непонятого... Федор Филиппович, в чем дело? Что ты темнишь? Или я вышел из доверия?

Некоторое время Потапчук молчал. Потом криво усмехнулся.

– Ладно. Не обижайся. Это не мои секреты. Мэр попросил меня предоставить непосредственным исполнителям минимум информации. Дело, похоже, пахивает политикой, большой политикой. А Наталья Лозовская является приманкой в состязании охотника и тигра.

– Ого, – присвистнул Михаил. – Значит, дело на контроле у Попкова. Так вот почему этим делом занялся ты...

– Лозовский отказался привлекать к делу правоохранительные органы. У него достаточно врагов в Министерстве внутренних дел. Если вся эта история станет достоянием гласности, а кассета попадет к ним в руки, то неприятности не закончатся. Они только начнутся... – ответил Потапчук. – Вот Лозовский и отказался от официального расследования. Он попросил своего приятеля о содействии. А Попков обязан Лозовскому всем. Он тут же по старой памяти позвонил мне. Мы встретились, поговорили. Кстати, он сказал, что в случае удачного завершения дела гонорар составит пятьдесят тысяч. Долларов, конечно. Пятьдесят тысяч! Это твои деньги. Впрочем, для Лозовского это мелочь. А Попков... Попкову, ты знаешь, очень трудно отказать. Он бывает очень убедительным... Кроме того, его прочат в президенты...

Потапчук замолчал. Без слов было ясно, что Попков не забудет об оказанной ему услуге и, если станет президентом, наверняка оплатит сторицей... Так что расклад был честным: Малахов получает деньги, а Потапчук реальную возможность занять один из ведущих постов на вершине пирамиды.

– Хорошо, – кивнул Малахов. – Три дня?

– В среду Лозовский должен утрясти все вопросы в совете директоров и дать определенный ответ. Ему позвонят.

– Понятно... Давай-ка начнем все сначала. Какая информация есть о Лозовском?

Глава восьмая

– Лозовский Петр Григорьевич, – начал Потапчук. – Шестьдесят семь лет. Отец был шахтером, а мать бухгалтером в правлении. Судя по всему, жили небогато. Тогда все так жили. Активно строили коммунизм, боролись с врагами народа... Наверное, из-за этой постоянной бедности Лозовский и мечтал о богатстве и славе.

Отец Лозовского исчез еще во время чисток тридцать восьмого. Три года Петр жил вместе с матерью – подрабатывал в правлении помощником истопника. А потом, во время взрыва на шахте, погибла и мать...

В палате царил серый полумрак. Огромная кровать с высокими спинками, увешанными какими-то странными, жуткими на вид приспособлениями. Возле кровати капельница. От нее к левой руке матери змеится резиновый шланг. Какие-то ящики на полу, от которых провода и трубки тянутся под белую простыню.

И лицо матери было таким же белым, как простыни. Ни кровинки. Большие черные глаза смотрят спокойно, без удивления. Петр подошел к кровати. Мать увидела его, улыбнулась одними кончиками губ.

– Вот ты и пришел, – еле слышно произнесла она.

– Мама, – сказал он, присаживаясь возле кровати.

Странно, Петра не покидало чувство нереальности происходящего. Все было не так, не по-настоящему, выдуманно. Ведь это она, мать, всегда сидела возле его кровати, когда он лежал с простудой, это она держала его за руку и разговаривала с ним. А теперь все перевернулось, и теперь между ним и этим огромным миром там, за окном, никого нет.

– Мама, – сказал он и поцеловал ей руку.

– Ты всю жизнь провел в темноте шахты, под землей, в двух шагах от преисподней... – бормотала она. – Вот темнота и не отпустила тебя... Позови ко мне сына.

– Мама, это я. Я здесь.

– Сынок... Ты... – Мать осеклась, повернула к нему голову. – Ты пришел...

– Конечно, мама. Как ты?..

– Когда-нибудь ты будешь другим, – горячо зашептала она. – Я видела сон. А вчера отец пришел и сказал... Разве я не говорила тебе? Я ведь знала, что так и будет!..

– Ты, мам, лежи, не разговаривай, набирайся сил.

Петр старался не касаться простыни, которой была укрыта мать. Из-под нее во все стороны топорщились пипетки и трубочки. И все они уходили в живое тело матери.

Она внимательно на него смотрела. Петр осторожно погладил кончиками пальцев худенькую ладонь.

– Бойся темноты, сынок. Не уходи под землю. Не делай этого...

– Не буду, мама...

– Запомни это! – сказала она резко. – Слушай себя, ищи свет в себе, иди за этим светом...

Он приведет, он укажет... Только наверх.

– Да, мама.

Петр не понимал, о чем она говорит. Какой-то бред. Ей совсем плохо.

– Ты, верно, думаешь, что твоя мать – сумасшедшая. – Она закрыла глаза и отвернулась. – Думай что хочешь. Это не важно. Только помни: наверх. Иначе темнота засосет тебя, и ты никогда не выберешься к свету – забудешь дорогу... Вот и отец так же... Помни...

– Хорошо, мама.

Он посидел с ней еще минут пять. Она молчала. Лежала с закрытыми глазами, и только едва заметное дыхание говорило о том, что она еще жива. Потом он поднялся и направился к двери. Через полчаса нужно на работу.

Он уже взялся за ручку двери, когда вновь услышал ее дребезжащий голос:

– Наверх... Ради меня...

– Да, мама.

А на следующее утро, за несколько минут до его прихода, она умерла.

– Через месяц после смерти матери началась война. – Потапчук перевернул несколько листов. – Петр вместе с другими беженцами оказался в Сибири. Так, в одиннадцать лет, он оказался воспитанником детского дома имени товарища Коромыслова.

– Веселое у него было детство, – заметил Малахов.

– Обычное для того времени. Война, детдом... Кстати, там он занялся спортом – при детском доме была боксерская секция. Нужно признать, что определенных результатов он добился. Даже во время службы в армии он продолжал тренироваться и выступать на ринге. За несколько лет вырос до кандидата в мастера спорта СССР, был двукратным чемпионом Сибири, призером чемпионата России. Он должен был войти в сборную Союза, но... Решающую роль сыграло мнение его тренера...

Потапчук порылся в дипломате и вытащил папку. Хитроумная никелированная защелка скрепляла разнообразные материалы: отпечатанные машинописные листы, какие-то справки, газетные вырезки...

– Вот... Сохранилась стенограмма совещания тренеров... «Если бы этот парень мог на минуту забыть о бабах, я бы сделал из него чемпиона мира в полутяжелом весе. Сейчас ни в одном из наших клубов нет парня, который мог бы свалить его с копыт. Когда я открыл этого парня, то обрадовался – решил, что наконец-то у меня будет настоящий чемпион. Я нянчился с ним столько лет... Но этот олух совершенно не хотел заниматься в полную силу. Такие данные... А характера маловато. Вы ж видели его на ринге – он побеждает без труда. Но вот когда я стал его сводить с настоящими боксерами, мастерами, он сломался. Четыре месяца не показывался на тренировках... Позавчера только появился. А вы говорите об Олимпиаде!.. Да, он быстр, и удар поставлен. Даже сейчас, после четырехмесячного безделья, он справится с любым из остальных моих парней. Разве что выставить против него тяжеловеса... Однако, если ему врезать, как следует, то он сразу наложит в штаны! Вся мишура слетит с него в один миг. Весь вопрос в том, кто ему врежет? Но я уверен, что на Олимпиаде такой парень найдется. И тогда Петр сбросит перчатки и уползет с ринга. Я знаю. Он сам не знает этого, а я знаю... Повидал на своем веку...»

Потапчук перевернул страницу и посмотрел на Малахова. То что он читал, напрямую к похищению Натальи не относилось. Однако помогало уяснить характер Лозовского, выявить возможных врагов.

– Лозовский бросил спорт и устроился на работу продавцом. Администрация магазина характеризовала его с самой положительной стороны. Эти характеристики были приобщены к делу об избиении Лозовским пятерых китайцев – он забрал у них чемодан с обувью, одеждой и американской тушенкой. Был суд.

– Дали срок?

– Нет. За недостаточностью улик Лозовский был освобожден из-под стражи. Странное дело... Путаное. Я просмотрел все материалы, но так и не понял, что же там было на самом деле...

Он рисовал на потрескавшейся стене в подворотне. Мел крошился в руках – глаза Маринки выходили совсем не такими, не похожими. Со стороны это, наверное, казалось забав-

ным: стоит подвыпивший парень и рисует девичье лицо. Вот и эти узкоглазые проходя мимо, вызываясь засмеялись, словно он отмочил только что забавную шутку. И смех их был похож на птичий щебет.

Петр обернулся. Их было пятеро. Одинаково одетые, одинаково причесанные, одинаково скалящие свои зубы.

– Проваливайте, желтопузые, – процедил Лозовский. – А то я рассержусь, и тогда вам будет больно, до чрезвычайности больно. А потом вы поползете домой, посмотрите друг на друга и решите, что вам нужно убраться обратно в свою Поднебесную Империю.

Непонятно, зачем он это говорил. Все равно они ни черта не понимали по-русски: умели только здороваться, торговаться и материться. Стоят, тыкают пальцами в портрет, хохочут... С какой стати?!.. Это его дворик. И подворотня эта его и Маринки. И этим уродам здесь делать нечего! Скалятся!.. Придется закатить им несколько оплеух.

Одним шагом Петр сократил дистанцию. В подворотне сразу стало тесно. Обступили со всех сторон. А тот, что покоренастее, видно, понял по лицу Лозовского, что сейчас начнется и принял стойку. Каратист, что ли?.. Весь напряжен, а руки расслабленные, как плети.

Да только Лозовский знал цену этой расслабленности, что преобразается в мгновенные рубящий удар, от которого сразу же проваливаешься в темноту, в глубокий нокаут.

А между тем вот-вот должна выйти Маринка. «Припудрю носик». До встречи оставалось всего минут двадцать. Лозовский рассвирепел. Не хватало, чтобы она увидела этих хохочущих над ее портретом идиотов.

И он сделал финт левой, пытаясь раскрыть защиту Коренастого, а правой нанес удар в челюсть. Замечательный прием, один из самых любимых, верный способ успокоить любого на те десять секунд, что отсчитывает рефери. Он ни о чем не думал: тело само помнило, что ему нужно делать. Удар был проведен безукоризненно, но желтопузый каким-то чудом успел уклониться. И тут налетели все остальные.

Лозовский закружился, затанцевал на месте, уклоняясь от появившихся в их руках цепей и кастетов. Руки молниеносно наносили удар за ударом, а глаза видели каждого и всех сразу.

Эти узкоглазые ребята оказались поворотливыми, но не достаточно, чтобы избежать его молниеносных ударов. Они наседали все разом, широко размахивая руками, но этим только мешали друг другу. Вот если бы они чуть разошлись в стороны и перестали мешать друг другу... Петр валил их, одного за другим.

Это было повеселее, чем на ринге: ни тебе судей, ни гонга, ни правил. Вот уже двое корчатся на заплеванном асфальте в собственной крови и блевотине. У них еще долго будет кружиться голова. А этот, с цепью, отлетел к стене и жалобно скулил. Ничего, заживут твои ребра – кости у молодых срастаются очень быстро. Через пару месяцев будешь, как новенький.

А парнишка, что так лихо крутил кастетом, от удара левой врезался головой в стену и теперь, как слепой котенок, полз на четвереньках куда-то в сторону.

И Коренастый тоже ошибся. Метил в голову, да только, вот, промахнулся. И когда, подавшись по инерции вперед, он раскрылся, Лозовский нанес ему три сокрушительных удара ниже пояса.

Коренастый завязался в узел и беззвучно разевал рот, словно выброшенная на берег рыба. Он качался, совершенно беспомощный, стараясь не упасть на асфальт, и пытался вдохнуть. Еще удар... Точка. Готов... Коренастый рухнул, как подкошенный, и не шевелился.

– Нокаут. Полная победа.

И тут на глаза ему попался чемодан. Хороший чемодан. Кожаный. Если он собирается ехать в Питер, то именно такой вот чемодан ему и нужен. А без чемодана – никуда. Без чемодана человек, как дерево – стоит на одном месте и только провожает взглядом проносящиеся мимо поезда.

Лозовский подошел к чемодану, поднял. Тяжелый. А ручка удобная, и к ней привязан ключик от замка. Дураки!.. Лозовский покосился на поверженных противников. Ну кто же ключ и замок держит рядом?!..

Петр повертел чемодан в руках. А почему бы... В конце концов, это можно расценивать как спортивный приз. По правилам, победитель получает все. На время его придется, конечно, спрятать. Мало ли... Вдруг эти желтопузые пожалуются.

Придет милиция: где чемодан? А я: «Какой чемодан? Не знаю никакого чемодана? Свидетели есть? Свидетелей нет! А эти пятеро напали на меня, хотели избить, да не получилось, не на того нарвались. Теперь вот клеветуют, хотят отомстить...»

Нет улики – значит, нет и состава преступления. На нет и суда нет. А чемодан тяжелый. Интересно, что в нем? Лозовский покосился на ключик. И тут словно обожгло – Маринка! Она вот-вот выйдет из подъезда.

Петр заметался по дворику... Бочка! Он подскочил к ржавой бочке и забросил в нее чемодан. Вечером можно будет забрать.

А вот и Маринка... Вот и моя красавица, мое алиби... «Да, встретила его. Никакого чемодана у него не было. Валялись только эти хулиганы, и все.»

А через неделю он отправится в Питер. Продаст все барахло, что лежит в чемодане, и сразу махнет в северную столицу. Обживется, осмотрится на месте, работенку подыщет не пыльную, а потом и Маринку перетащит к себе. Как вовремя подкатали эти китайцы со своим чемоданом. Теперь у него есть деньги, есть с чего начать новую жизнь. О, какой она будет прекрасной, эта новая жизнь!..

– В Санкт-Петербурге Лозовский пошел в ювелиры. Быстро научился азам, а потом делал, говорят, неплохие золотые побрякушки. Данную полосу его жизни трудно проследить... – Потапчук хлопнул по папке рукой. – Женился, развелся – вот и все документы... Только слухи да косвенные улики, что ювелирное дело было для него прикрытием. На самом деле, дескать, он занимался совсем другими делами.

– Чем именно?

– Рэкетом.

Петр взял его в гараже. Просто зашел и закрыл на засов тяжелую, обшитую досками дверь. Баранов копошился у стеллажа – разматывал моток проволоки. Рядом с ним стояла бутылка коньяка.

Этот толстяк не успел оглянуться, как получил удар в солнечное сплетение. Пока он разевал рот, пытаясь глотнуть воздуха, Лозовский связал ему руки за спиной. Тонкую стальную проволоку он перекинул через крюк у потолка – один конец закрепил в тисках, а второй обмотал вокруг шеи Баранова. Теперь тот мог стоять только на цыпочках – в противном случае петля сдавливала горло.

– Я ведь предупреждал, хотел по-хорошему... – Тон Лозовского был полон безграничного терпения. – Но ты не прислушался к моим словам. Ты ничего не понимаешь.

– Ублюдок! Дерьмо!.. Ты ничего от меня не получишь! Ни копейки!

Лозовский холодно улыбнулся. Да, этот жук ничего не понимал. Он сверкал глазами и, наверное, прикидывал, как сейчас побежит в милицию и начнет строчить заявление. Дерьмо! Один из них точно дерьмо. Но Баранов имеет весьма превратное представление, кто именно. И это представление нужно уточнить. Только бы не переборщить. Плох тот пастух, что режет дойную корову.

И связи Баранова. Этот боров вхож к Остахину – председателю городского исполкома, первому человеку в Санкт-Петербурге. Седьмая вода на киселе, а все-таки родственники. Узы крови – самые прочные узы. Вот если бы через Баранова выйти на Остахина – познакомиться,

подружиться, стать для Остахина нужным, полезным... Ах, какие тогда впереди откроются перспективы...

А Баранов смотрит с ненавистью.

– А ну, отвяжи меня, ублюдок! И тогда, может быть, останешься цел. А будешь упрямиться, залетишь на всю катушку. Лет семь я тебе гарантирую...

Ухмыляется... Висит с петлей на шее и ухмыляется. Что за дурак... Лозовский взял в руки бутылку с коньяком, принюхался, отхлебнул глоток. И выплюнул.

– Дрянь у тебя, а не коньяк. Зарабатываешь тысячи на подпольном пошиве одежды, а на коньяке экономишь. И машина у тебя старенькая... И куда ты деньги деваешь? Закапываешь, что ли?..

– Не твое дело, скотина!

Да. Этот стервец не понимает, как легко все это делается. Еще непуганый. Это исправимо. Опять ухмыляется. Совсем как те китайцы... Героя из себя строит. Не те, совсем не те фильмы крутят в кинотеатрах. Боец-одиночка, не идет ни на какие компромиссы, ловушка, смертельная опасность, но он смеется, а в самый последний момент поспекает помощь. Добро торжествует, враг в ужасе бежит... Да вот только кино и жизнь не имеют ничего общего. Никто не придет на помощь, и никто ничего не услышит – дверь хорошо изолирована. А он все ухмыляется. Ладно...

– Свинья!..

Лозовский надавил рукой на натянутую проволоку. Баранов захрипел, затанцевал на месте, вытянулся в струнку – петля врезалась в складки на его жирной шее.

– Кого это ты назвал свиньей? – мягко спросил Лозовский. – Я говорю с тобой вежливо, как человек, а ты хрипишь. Так кто из нас свинья?

Лицо Баранова налилось кровью.

– Я пришел к тебе, предложил помощь, защиту, содействие, а ты встретил меня грязной руганью... Так кто из нас свинья?

Баранов истошно завопил. Лозовский усилил нажим на проволоку. Крик захлебнулся.

– Вот и сейчас я продолжаю с тобой беседовать, хотя давно мог тебя прирезать, как ты того заслуживаешь... Я жду ответа. Кто из нас свинья?

Баранов что-то прохрипел, но ничего нельзя было разобрать. Лозовский отпустил проволоку.

– Ну?

– Я... Я свинья, – пробормотал Баранов. На лбу у него выступили мелкие капельки пота. С губ слетела поганая ухмылка. Глаза смотрели испуганно.

– Хорошо, что ты это понял, – кивнул Лозовский. – Жаль, что это поздно до тебя дошло. Ты истощил мое терпение, а за это надо платить... Это ты тоже понимаешь?

– Да... Понимаю...

– Значит, договорились?

И тут на Баранова опять накатило.

– Пошел ты... Ублюдок вонючий! Сволочь! Да я с тобой знаешь что сделаю!..

Лозовский снял со стеллажа канистру с бензином. Полная. Неторопливо открыл заглушку, подошел к своему пленнику и начал лить бензин ему на голову. Баранов фыркал, отплеывался. Лозовский поставил полупустую канистру на пол и отошел к двери.

– Все, – сказал он и закурил.

Баранов начал всхлипывать, как малое дитя.

Изо рта потекли слюни – пенные пузырьки, почти неразличимые на мокрой от бензина коже. Похоже, дошло. Созрел. И готов на все.

– Я хочу с тобой попрощаться, чучело, – сказал Лозовский.

– Ты псих! Сумасшедший! На помощь!..

– Ты меня достал. Сейчас вот докурю... Угадай, куда я брошу окурочек?..

Баранов расплакался. Мелкие рыдания сотрясали его тело, из глаз текли слезы. «Наверное, такие же горючие, как бензин», – усмехнулся Лозовский.

– Я согласен, – прошептал Баранов. – Я согласен, согласен...

– Вот и хорошо...

– ...Согласен, согласен! – продолжал выкрикивать Баранов. Он совсем обезумел от страха.

Петр аккуратно затушил сигарету, бросил окурочек в банку. Подошел к пленнику и вlepил ему затрещину. Баранов ударился головой о стену и замолчал, испуганно моргая глазами, огромными, карими, влажными от слез. Лозовский взял плоскогубцы и режущими гранями перекусил проволоку. Баранов грузно осел на пол.

– Слушай меня внимательно, – наклонился над ним Лозовский. – Ты для меня – никто. Но тебе повезло с родственниками. Ты немного знаешь меня. Так вот... Платить будешь исправно. Но, боюсь, рано или поздно тебе захочется рассказать Остахину о том, что здесь произошло. И тогда Остахин захочет выкинуть меня из города. Если это произойдет, ты не жалец. Ты веришь, что я говорю серьезно?

– Да, – прошептал Баранов.

– А чтобы этого не произошло, ты сведешь меня с Остахиным. И покончим с этим.

Лозовский направился к двери, отодвинул засов.

– Да, – обернулся он. – Хочу дать тебе совет. По дружбе. Если ты когда-нибудь решишь, что сможешь отыгаться, то выкинь это из головы. Это будет ошибкой, самой ужасной ошибкой в твоей жизни. Последней ошибкой.

Баранов только кивнул. Глаза вытаращены, губы дрожат, на шее красная полоска от проволоки.

– До завтра, дружище, – улыбнулся Лозовский. И захлопнул за собой дверь.

– С начала восьмидесятых дела Лозовского резко пошли в гору. – Потапчук захлопнул папку: всю остальную информацию он помнил и без справок. – Первый в городе киоск, первый коммерческий магазин, первая частная бензоколонка... Этому способствовало знакомство с тогдашним главой Санкт-Петербурга Леонидом Остахиным. Знакомство переросло в тесную дружбу. Остахин предоставил Лозовскому монопольное право на торговлю спиртными напитками в ночное время, лучшие места под магазины и склады, лучшие... Ох, всего не перечислишь. В результате Лозовский сколотил колоссальное состояние и решил податься в банкиры. Теперь акционерный банк «Русич» – один из самых солидных учреждений не только в России, но и во всем мире. Кстати, в восемьдесят восьмом умерла его вторая жена. Несчастный случай... И Лозовский остался вдвоем с шестилетней дочерью.

– Чем последнее время занимался Лозовский?

– Вот мы и приступаем к главному, – сказал Потапчук. – Кто так настойчиво рвется к каналу «Орбита»: родимые уголовнички или кто-то из соперников Попкова? В этом деле плотно переплелись деньги, большие деньги, и власть. Сам Лозовский считает, что эту историю закрутила какая-то криминальная группировка. Его жена Маргарита, наоборот, склоняется к тому, что похищение Натальи устроил кто-то из политиков.

– Лозовский женат? Ты вроде говорил, что его жена умерла.

– Он совсем недавно женился в третий раз. Жена – красавица. Молодая, всего года на четыре старше Натальи. Мачеха и падчерица – почти ровесницы. И, судя по некоторым эпитетам Маргариты, между ней и Натальей устойчивая неприязнь.

– А ты не допускаешь возможность третьего варианта?

– Какого же? – спросил Потапчук. – Поделись.

– Что весь сыр-бор устроила Маргарита.

Некоторое время Потапчук молчал – обдумывал.

– Нет, – сказал он. – Ей невыгоден любой скандал, связанный с ее мужем. Страна на пороге выборов. Если пострадает ее муж, пострадает и Попков – явный лидер среди кандидатов на пост президента. А вот в случае победы Попкова, Лозовский станет кем-то вроде серого кардинала. А она, похоже, мечтает стать серой леди – незримой правительницей огромной страны.

– У нее есть размах. – Малахов посмотрел на экран телевизора. – А почему ты притащил кассету? Мне нужна фотография. Придется расспрашивать людей. Что я им покажу? Кассету?

– Понимаешь... – Потапчук озадаченно пожал плечами. – В доме не оказалось ни одной фотографии Натальи... То есть, фотографии были – Наталья в пеленках, Наталья пошла в первый класс. И все. Создается впечатление, что после смерти матери девочка вообще не фотографировалась. И когда я попросил фотографию, возникла, я бы сказал, довольно неловкая ситуация...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.